

Нина Охард

Ручная кладь
Рассказы

Нина Охард

Ручная кладь. Рассказы

«Издательские решения»

Охард Н.

Ручная кладь. Рассказы / Н. Охард — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856530-4

«Ручная кладь» — сборник рассказов, основанных на реальных событиях. Короткие и длинные, веселые и грустные — рассказы познакомят вас с неизвестными страницами истории и удивительными людьми. Герои рассказов не похожи друг на друга ни по возрасту, ни по характеру, все, что их объединяет — это не простые жизненные обстоятельства, в которые они попали. Рассказы интригуют хитросплетениями событий, заставляют читателя задуматься и не оставляют равнодушным.

ISBN 978-5-44-856530-4

© Охард Н.
© Издательские решения

Содержание

Ручная кладь	6
Зверь	22
Дрянь	25
Вклад	26
Гоша	30
Я хочу, чтоб небо было розовым	33
Вампиры по нужде	35
Посмотреть смерти в глаза	38
Незабываемый подарок	40
Ирландский ликер	45
Из жизни компьютерщиков	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ручная кладь Рассказы

Нина Охард

Дизайнер обложки Екатерина Козлова

© Нина Охард, 2017

© Екатерина Козлова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-6530-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ручная кладь

Павлик уныло брел знакомой дорогой из школы домой. Остановившись на перекрестке, он на пару секунд задумался куда повернуть: направо и пройти дворами или налево и зайти в продуктовый магазин. Немного потоптавшись на месте, он все-таки пошел через парк. Этот путь был длиннее, но Паше некуда было спешить. Дома его никто не ждал: родители работали, а собаки у него не было. Он уже несколько лет просил щенка. Сначала, ему отказывали, потому что маленький, затем, потому что недостаточно хорошо учится. В прошлом году он окончил почти на отлично, всего с тремя четверками – по русскому, пению и рисованию, но собаку все равно не купили. Сначала нужно было ехать в отпуск, а потом оказалось, что денег на породистого щенка у родителей нет, а брать дворняжку они не хотят.

Павлик любил гулять по парку вместе с хозяевами собак. Он слушал рассказы о четвероногих любимцах, хвастая, что ему тоже скоро купят щенка. Собачники общались с мальчиком охотно, некоторые даже позволяли играть или держать пса на поводке. Сначала Павлик пристроился рядом с женщиной выгуливавшей лабрадора, и с завистью смотрел, как ее дочка играет с собакой. Потом догнал хозяйку четырех такс, но женщина посмотрела на Пашу как-то не по-доброму, и мальчик пошел прочь. Рядом с детской площадкой девушки держали на руках чихуахуа и громко обсуждали своих питомцев. Декоративные собаки Паше не нравились, и он пошагал дальше. У самого выхода из парка, на лужайке мальчик играл со спаниелем. Внутри у Паши что-то екнуло, и он отвернулся.

– Джерри искать! – кричал мальчишеский голос, и черная зависть горячим дегтем поползла по Пашкиной душе, выступая блестками в уголках глаз. Он прибавил шагу и почти бегом вбежал в квартиру.

– Почему, почему всем покупают собаку, а мне нет? – на этот вопрос у Павлика не нашелся ответ. Он забросил портфель в угол и пошагал на кухню. В холодильнике стояла кастрюля с борщом и миска с котлетами. Паша вытащил холодную котлету и откусил. «Вот сейчас мы бы вместе пообедали», – подумал он. Осознав смысл фразы «кусочек в горло не полез», Паша бросил покусанную котлету обратно в миску и пошел к себе в комнату.

Он достал копилку и высыпал в нее мелочь из кармана. Потом подумал немного и пересчитал деньги. В этом не было никакого смысла: сколько у него накоплено он и так хорошо знал. Пересчет денег мысленно приближал его к покупке собаки, и он не мог отказать себе в этом удовольствии.

«Поиграю немного», – решил он, включая компьютер.

«Продаются щенки спаниеля», – подразнил его баннер, и, зная, что денег на щенка все равно не хватит, Паша нажал на объявление. Он посмотрел фотографии и уже собирался закрыть страницу, как глаз его случайно зацепился за сообщение: «продается спаниель за одну тысячу рублей, только в хорошие руки». Паша вздрогнул. Курсор прыгнул на объявление, а сердце – на грудную клетку.

«Пятилетний спаниель (кобель) Марс, со всеми документами ищет нового хозяина. Оставляю за собой право ненавязчиво отслеживать дальнейшую судьбу собаки».

Павлик кинулся к телефону и набрал номер. Трубку никто не брал. «Ну да, я так и знал», – подумал мальчик, чувствуя щеками соленые подтеки. Не успел он положить трубку, как телефон зазвонил. Паша подскочил к аппарату:

– Алло!

– Пашка, ты, где болтаешься? Заходи в игру! Мы все на Варзоне, давай срочно к нам!

– Да, иду.

Паша вернулся к компьютеру и запустил игру.

Вскоре телефон снова зазвонил, и маминым голосом зазвучали упреки:

– Паша ты в магазин ходил? Уроки сделал? Ты опять играешь? И ты просишь собаку! Паша вышел из игры, и перед глазами снова замелькало объявление.

Павлик задумался на пару секунд, и все-таки еще раз набрал номер. Его сердце стучало в такт гудкам и, когда он уже собирался бросить трубку, на том конце зазвучало мелодичное «да».

– Я, – Паша растерялся, – я по поводу собаки. Вы ее еще не продали?

Наступила пауза, Паша уже собирался повторить, как начались расспросы:

– Мальчик, давай по порядку, как тебя зовут, сколько тебе лет? – поинтересовался женский голос.

– Павлик.

– Очень приятно, а меня Таня. Сколько, Павлик, тебе лет?

– Мне двенадцать, – решительно соврал Паша, решив, что разницу в год никто не заметит. Одиннадцать ему исполнится всего через пару месяцев, а «двенадцать лет» звучит значительно солиднее.

Опять наступила пауза, вероятно Таня раздумывала.

– А родители тебе разрешат?

– Конечно, – сказал Паша, – мы еще летом хотели завести щенка, но, – Паша не знал, стоит ли говорить об отпуске и деньгах, и уклончиво добавил, – не получилось.

– Приезжай, посмотрю на тебе, – сказала Таня, и назвала адрес. – Только не звони. Постучи в дверь, у меня ребенок маленький.

Паша кинулся к копилке и рассовал по карманам монетки, затем, бережно сложив бумажку с адресом, засунул в нагрудный карман и застегнул на молнию. На несколько секунд он задумался: не позвонить ли маме, но решил не рисковать и выбежал из дома.

Павлик и сам не понимал, почему бежит, возможно, боялся, что не успеет или женщина передумает и отдаст собаку другому. Скорее всего, так было легче справиться с охватившим его волнением.

Через сорок минут, красный и запыхавшийся, он стучал в дверь.

На пороге появилась девушка лет двадцати.

– Только тихо, – сказала она и провела Павлика внутрь.

Она оглядела мальчика с ног до головы.

– Тебя точно не выгонят с собакой из дому? – спросила она усмехнувшись.

Паша открыл рот, чтобы изрыгнуть из себя поток возмущений, но девушка приложила палец к губам.

Рыжая лохматая собачья морда просунулась у нее между ног и посмотрела на Павлика своими большими круглыми глазами.

Паша присел на корточки и протянул руки, чтобы погладить.

Марс обнюхал Павлика и лизнул в лицо. Мальчик просиял и нежно погладил шелковистые собачьи кудри.

– Ты ему понравился, – шепотом сказала девушка и улыбнулась. – Пойдем.

Она повела Пашу на кухню.

Таня еще раз внимательно осмотрела Павлика.

– Это собака моего отца, – с плохо скрываемой грустью в голосе сказала она. – Вернее, все, что мне досталось от него по наследству, – добавила она и криво ухмыльнулась. – Помнишь как в сказке, старшему сыну мельница, среднему – ишак, а младшему – кот. Мне вот – пес. Я бы ни за что его не отдала, если бы у дочки не было аллергии на шерсть.

Она посмотрела в окно и на несколько секунд задумалась.

Когда отец ушел из семьи, ей было семь. Он ничего не взял из вещей, только свою собаку. Таня рыдала навзрыд. Неизвестно, кого из них она больше любила – отца или ньюфаундленда Чапу. С тех пор она слезно молила маму завести собаку, но маме собаки напоминали об отце,

и она была категорически против. Тане заводили хомячков, рыбок, канареек, все что угодно, только не собаку. Отец ушел в другую семью, потом в еще одну. Про дочь он даже не вспоминал. Полгода назад Тане позвонила его последняя жена и сообщила, что он умер. Это было так странно: они не виделись пятнадцать лет. За пятнадцать лет человек, которого Таня считала своим отцом, ни разу не навестил ее, не вспомнил ни об одном дне рождения, не пришел даже на свадьбу, не изъявил желание увидеть внучку. А она слушала о его смерти и плакала. Когда Таня приехала на похороны, ей объяснили, что отец ничего не завещал, и никакого наследство ей не положено, словно она приехала за деньгами. Спустя несколько дней ей предложили забрать собаку. Она не стала спорить, послушно забрала пса, вместо того, чтобы требовать свою долю наследства. Да и сейчас она совершенно не хотела отдавать мальчику Марса. «Это, наверное, глупо», – подумала девушка. Она вытерла набежавшие на глаза слезы и решила не поддаваться больше сентиментальности.

Таня посмотрела на Павлика. Внимание мальчика было поглощено псом, и девушка, решительно отбросив сомнения, перевела разговор на собачью тематику.

– Ладно, давай по делу. Вот это его документы, – сказала она, доставая толстую пачку бумаг. Это Родословная. В ней проставлен номер клейма. Ветпаспорт с прививками и номером клейма. Дипломы с выставок. Дипломы по дрессировке. Ты знаешь, зачем собаке клеймо? – Спросила Таня.

– Чтобы она не потерялась, – неуверенно ответил Павлик.

– Почти. Для того чтобы его можно идентифицировать. Например, для участия на выставках. Вот медали, – она протянула Павлику коробочку.

На мгновение Паше стало страшно, он подумал, что все перепутал и за тысячу рублей ему не продадут эту собаку.

Он посмотрел на Таню и пролепетал:

– У меня только тысяча рублей, там в объявлении...

– Я не собираюсь брать деньги за Марса, – сказала девушка, – но если ты готов о нем заботиться, я тебе его отдам.

– Я, – губы у Паши затряслись, – я буду о нем очень хорошо заботиться.

– Тогда слушай. Гулять нужно два, а лучше три раза в день. В любую погоду и долго, – сказала Таня.

– Кормить не чаще двух раз, лучше после прогулки, никаких котлеток и конфеток.

Она достала пакет с кормом. Вот мерный стакан. За день он должен съесть два стакана. Если вдруг кормишь три раза в день – подели на три части. Понял?

Павлик утвердительно закивал головой.

– Давать строго норму и не грамма больше, даже если просит. Разжиреет, загубишь собаку.

Паша снова сделал жест головой в знак согласия.

– Теперь гигиена. На прогулке его нужно чистить. Знаешь как?

Павлик замотал головой. Девушка достала щетки и стала объяснять.

– Сначала гребнем расчесываешь шерсть по направлению роста волос на голове, шее, туловище, конечностях и хвосте. – Девушка достала гребень и показала, затем дала Павлику попробовать.

– Если шерсть на ушах спуталась, не расчесывается, промываешь ее теплой водой и разбираешь руками, а только затем, расчесываешь гребнем. Понятно?

Паша снова, как китайский болванчик, закивал.

– После этого, шерсть нужно очистить щеткой. А затем, осторожно ваткой протереть глаза и уши. Когда закончишь чистку, все щетки нужно вымыть и убрать. Запомнил?

– Да, – наконец выдал из себя Павлик, из всего вышесказанного поняв, что ухаживать за собакой непросто.

– Раз или два в месяц его нужно купать. После прогулок обязательно мыть лапы.

Таня замолчала и критически посмотрела на Павлика, пытаясь оценить, справится ли мальчишка.

Паша смотрел на нее такими же умными и понимающими глазами, как и собака, периодически кивая головой в знак согласия. «Должен», – решила Таня и продолжила:

– Теперь лечение. Два раза в год давать таблетки от глистов. Вот такие.

Она достала коробочку и отдала Павлику.

– От блох нужен или ошейник или капли. Если увидишь, что Марс кислый или горячий вот телефон ветеринара. За вызов берет тысячу рублей, – Таня протянула Паше визитку.

– Теперь место. У собаки обязательно должно быть свое место. Он не должен жить ни на кухне, ни в коридоре, где сквозняки. Заберешь его лежак и выбери ему удобное место дома. Чехол с лежака нужно каждую неделю стирать.

Таня снова замолчала и посмотрела на мальчишку.

– Хорошо, хорошо, – затараторил Паша, чувствуя скапливающееся у Татьяны недоверие.

– Что еще? – Таня серьезно взглянула на Пашу, – я буду звонить, проверять. Договорились?

Павлик закивал головой.

– Тогда я собираю Марса и вызываю вам такси, – сказала Таня.

Павлик сидел на заднем сиденье, держа собаку на коленях. В голове мальчика, словно запертая в клетке птица, билась одна, казавшаяся ему невероятной, мысль: «Моя собака!». Он крепко сжимал пса руками, периодически поглаживая по голове. Марс не проявлял никакого восторга или беспокойства – он с любопытством смотрел в окно. Наконец автомобиль подъехал к дверям дома и мальчик, чуть не забыв про оплату за такси, побежал домой.

Очувтившись в квартире, Марс стал с любопытством обнюхивать новое жилье, а Павлик разбирать его приданое. Самое главное, было найти Марсу место. Павлик критически осмотрел свою комнату, но она была плотно заставлена мебелью, и места для собаки не было. Марс неожиданно сам решил эту проблему. Он вскарабкался на старенькое кресло, привезенное мамой после смерти бабушки и оставленное временно, до покупки дачи, у Павлика в комнате. Обрадованный находкой Марса, мальчик положил на кресло собачий лежак и, поглаживая пса по голове, несколько раз повторил:

– Место, Марс, место!

Потом, выбрав, где поставить собачьи миски, налил в одну из них воды. Марс тут же прибежал на кухню, обнюхал миски и улегся рядом, смотря на Павлика с радостным блеском в глазах и виляя хвостом. Рука мальчика уже потянулась к пакету с кормом, но он вспомнил наставления Татьяны и громко скомандовал:

– Гулять!

Марс посмотрел на Павлика удивленно и разочарованно. Мальчик заметил на столе бумажку, на которой мама написала список продуктов. Павлик схватил листок, деньги, поводок и, еще раз крикнув: «гулять», вывел пса на улицу.

– Рядом, – скомандовал он Марсу, приносившемуся к ограждающим двор столбикам, и, сияя от счастья, зашагал в сторону магазина.

– С собаками нельзя, – резко одернула его продавщица, преграждая дорогу. Павлик открыл рот, чтобы возразить, но шестипудовая туша заградила ему проход. Мальчик привязал поводок и, сказав Марсу «сидеть», зашел внутрь. Внутреннее беспокойство заставляло его быстро бегать между полками с продуктами, выбирая необходимые упаковки, постоянно переживая о брошенной у входа собаке. Ему грезилось, что Марса крадут, убивают, травят. Очередь в кассу казалась невероятно большой, и он не мог дождаться момента, когда выбежав наружу, снова возьмет в руки поводок.

Подходя к дверям квартиры, Паша услышал, как надывается телефон. Войдя, мальчик бросил сумку с продуктами и схватил трубку. Марс поплелся следом, оставляя на полу грязные следы.

«О, черт!», – выругался Паша и, схватив пса на руки, потащил в ванну. Когда он вернулся к телефону, ему ответили короткие гудки: звонивший не дождался ответа. «Ну и ладно», – подумал мальчик, возвращаясь, чтобы помыть собаке лапы. Вымытый Марс оставил еще и мокрые следы. Павлик схватил тряпку, пытаясь вымыть пол, но только размазал грязь. Марс удивленно наблюдал за его страданиями, нетерпеливо ожидая еду.

Павлик насыпал корм из пакета в мерный стакан и дал собаке, после чего вспомнил, что это половина, а нужно делить на три части и попытался отобрать у Марса миску. Тот злобно зарычал.

Павлик невольно отшатнулся и остался ждать в надежде, что собака не доест. Но Марс с аппетитом все слопал и, задрав морду, ожидал добавки.

– Место, – скомандовал Павлик, наблюдая, как собака, полакав воды, недовольно побрела в комнату. Павлик тяжело вздохнул и вернулся за брошенной сумкой. Не успел он разложить продукты, как в дверях послышалось скрежетание замка, и на пороге зазвучал мамин голос.

– Паша, ты дома?

– Место, – успел скомандовать мальчик любопытной собаке, уже направившейся к входной двери, и выбежал навстречу матери.

– Павлик, где ты был целый день? Я не могла до тебя дозвониться, – начала с порога расспрашивать мама раздраженным тоном. Она поставила на пол два тяжелых пакета и отдышалась.

– Я, – начал Паша растеряно, – в магазин ходил.

– Ну, я как видишь тоже ходила, на тебя не понадеялась, – сказала мама, и ее взгляд пробежал по грязным разводам на линолеуме. – Это что такое?

– Я пол помыл, – тихо промямлил Паша.

– Помыл пол? – мама широко раскрыла глаза и вдруг замерла.

– А это что?

Павлик обернулся и увидел Марса, который уверенно семенил по направлению брошенным мамой сумкам.

– Это Марс, – сказал мальчик, стараясь придать своему дрожащему голосу побольше уверенности.

Тем временем собака подошла к маме и начала обнюхивать, засовывая любопытную морду в пакеты с едой.

– Марс нельзя, – скомандовал Павлик.

– Брысь, кышь, убери ее отсюда, – завизжала мама, словно это был не спаниель, а крыса с помойки.

Марс удивленно посмотрел на мальчика, маму, сумки и демонстративно облизнулся.

– Марс ко мне, – снова потребовал Паша.

Мама открыла дверь, схватила туфлю и, размахивая ей, срываясь на визгливые нотки, закричала:

– Уходи, уходи отсюда!

Павлик взял на руки собаку и побежал в комнату.

– Павлик, куда ты ее потащил? – с недоумением в голосе кричала ему вслед мама, – выгони ее на улицу!

Не дождавшись от сына ответа, она босяком влетела в комнату и замерла: Павлик сидел на кресле ее отца вместе с собакой.

– Ты что сума сошел! – закричала мама, – зачем ты приволок эту блохастую тварь в дом, да еще сидишь с ней на кресле твоего деда?!

Павлику хотелось возразить, но он только сильнее прижался к собаке и смотрел на разбушевавшуюся мать испуганными глазами.

– Дай ее сюда, – сказала мама и протянула к собаке руки.

Марс тихонько зарычал, оскалив свои красивые белоснежные зубы. Женщина инстинктивно отпрянула и снова визгливо закричала:

– Павлик, отойди от нее сейчас же! Она бешеная!

«Это не она бешеная, а ты», – подумал Паша, рассматривая мамино раскрасневшееся лицо и растрепанные волосы.

– Паша, выведи собаку за дверь и вымой руки, – приказала мама, держась от Марса на расстоянии.

– Не выведу, – буркнул мальчик и погладил пса. Марс вырвался из его объятий и двинулся в сторону женщины. Мама попятилась к выходу. Собака последовала за ней. Оказавшись в коридоре, мама замахала руками, пытаясь выгнать Марса на улицу. Но пес сначала зарычал, а затем громко залаял. Павлик снова схватил Марса на руки, но тот вырвался и вновь залаял на мать.

Мальчик присел на корточки рядом с собакой и погладил ее по голове.

– Мама это моя собака, ее зовут Марс, я ее купил, – сказал Павлик.

– Вот сейчас придет отец, он с тобой разберется, – сказала мама, подняла брошенные пакеты и отправилась на кухню.

– Место Марс, – сказал мальчик и дал собаке лакомство.

«Нужно уроки сделать, а то точно начнут говорить, что все из-за собаки», – смекнул он и сел за стол.

Сделать уроки оказалось нелегко. С русским и математикой он справился быстро, а прочитать текст из хрестоматии по чтению оказалось не просто. С кухни, сквозь шум воды и грохот посуды, доносилась мамина телефонная перебранка с отцом. Приближающийся вечер не сулил ничего хорошего.

– Павлик, иди, ешь, – закричала мама.

– Не хочу, – сердито ответил мальчик.

– Иди сейчас же, – скомандовала мама, – поешь, дашь своему псу костей и отведи его на улицу.

«Поскорее бы папа пришел», – подумал мальчик, а вслух произнес:

– Я с папой вместе поужинаю.

– Папа сказал, чтобы никакой собаки к его возвращению в доме не было, – громко сказала мама и подошла к двери.

– Папа мне обещал, – уверенно произнес Павлик. – Он сказал, что если я хорошо закончу год, он купит мне собаку!

– Да мало ли, что он тебе обещал, – сорвалось у мамы с языка и, поняв, что проговорилась, она прикусила губу.

Паша посмотрел на мать удивленно.

– Если папа обещал, он сдержит слово, – уверенно сказал мальчик, глядя на маму непонимающим взглядом. – Он сам всегда меня учил держать слово.

Мама хотела подойти ближе, но, посмотрев в сторону Марса, поднявшего голову и внимательно за ней наблюдающего, осталась стоять в дверях.

– Павел, ты же уже большой мальчик и ты должен понимать, что родители иногда обещают своим детям невыполнимые вещи. Ну, например, Деда мороза.

– Мама, причем тут Дед мороз? Папа сказал, что купит мне собаку.

– Павлик, ты в прошлом году скатился на тройки, вместо того, чтобы делать уроки играл на компьютере, и мы с папой решили тебя простимулировать к учебе, пообещав собаку.

Глаза у мальчика округлились.

– Вы решили что?

– Дать тебе стимул для учебы, – невозмутимо созналась мама.

Павлик приоткрыл рот, но ничего не ответил.

В комнате наступила мертвая тишина, были слышны шаги на лестнице, скрежет ключа во входной двери, щелчок выключателя и раздавшийся голос отца:

– Маша, я надеюсь, пса он увел?

Вероятно, чтобы сразу разрешить все сомнения, Марс спрыгнул с кресла и отправился на встречу с отцом.

– Олег, закричала мама, – ну ты посмотри!

Марс подбежал к отцу и обнюхал его. Олег присел на корточки и потрепал собаку по холке.

– Хорошая собака, – сказал он улыбаясь.

– Пашка, зачем ты приволок домой дворнягу? – спросил он, переобуваясь.

– Это не дворняга! – возмутился мальчик, – это спаниель!

– Павел, от того, что пес похож на спаниеля, он не превращается в спаниеля, – иронично заметил отец.

– Папа у него вот такая папка документов! – возразил мальчик, и развел большой и указательный пальцы в разные стороны.

– И какие у него документы? – продолжая иронизировать, поинтересовался отец.

– Родословная, ветеринарный паспорт, дипломы с выставок и даже медали. Пойдем, я тебе покажу! – не унимался сын.

– И сколько ему лет? – спросил отец тем же полушутливым тоном.

– Пять, – с недоумением в голосе ответил мальчик.

– Пять лет – это уже немолодая собака, Паша. Наверное, она больна и хозяйева, не желая возиться, просто решили от нее избавиться, – предположил мужчина.

– Она здорова, просто ее бывший хозяин умер, а у его дочери маленький ребенок, у которого на собаку аллергия, – не сдавался парнишка.

– Павлик, мы же с тобой договаривались, что накопим денег и купим хорошего породистого щенка, – нравоучительным тоном сказал отец.

– Я не хочу щенка, я хочу эту собаку! – закапризничал Павлик.

Мужчина тяжело вздохнул и направился на кухню.

– Олег, руки помой! – вмешалась мама.

Мужчина открыл дверь в ванной и закричал:

– Павлик! Что это такое?

Мальчик подбежал к отцу и увидел, что на полу и в самой ванной виднелись грязные подтеки.

– Лапы Марсу мыл, – сознался мальчик, – я уберу.

– Нет уж, дорогой, убери лучше пса. Отведи хозяйевам и скажи, что родители тебе не разрешают, – резко ответил отец. Взяв в руки тряпку, он включил душ и принялся за мытье.

– Пусть сначала поест, – возразила мама, – он опять целый день ничего не ел.

– Я не хочу, – ответил Павлик, и скомандовав собаке: «Марс место», – вернулся в свою комнату.

– Павлик, марш ужинать, – закричала мама.

Мальчик не ответил.

– Олег, скажи ему, – Женщина зашла в ванную и отобрала у мужа тряпку, – иди, ешь, я сама, – ты только грязь разведешь.

Олег облегченно вздохнул и вышел из ванной.

Он зашел к мальчику в комнату и взял его за предплечье:

– Пойдем, поговорим, – сказал он и повел его на кухню.

Марс поднял голову и спрыгнул с кресла.

– Место! – приказал мальчик и закрыл за собой дверь.

– Сам не ест и собаку не кормит, – выйдя из ванной и вытирая рукавом пот с лица, сыронизировала мама.

– Ему еще рано есть, – отрапортовал ребенок.

– Павлик, – начал отец, усаживаясь за стол и подвигая к себе тарелку с едой. – Ты уже большой мальчик, ты должен понимать, что собака – это не игрушка. Она требует немало времени и денег. Ее нельзя вот так взять, проиграться и бросить. Ей нужно заниматься, заботиться, собака – это серьезно.

– Я буду ей заниматься! – перебил его мальчик.

– Ни у меня, ни у мамы на собаку времени нет, – продолжал отец, игнорируя возражения сына, – мы оба много работаем. Мы все делаем для того, чтобы ты ни в чем не нуждался.

– Я нуждаюсь в собаке! – снова возразил мальчик.

– Да что ты затараторил как пятилетний: «хочу собаку, хочу собаку!» – не выдержал отец и перешел на более резкие интонации. – Ты можешь меня дослушать, не перебивая?

– Папа, я не отдам Марса, если хочешь, я уйду вместе с ним.

– И куда ты уйдешь? – смеясь, вмешалась мама.

– Куда-нибудь, – пробурчал мальчик.

– Тогда сначала поешь, где-нибудь тебя кто-нибудь кормить не будут, – добавила она с иронией, подвигая сыну тарелку борща.

Павлику не нравился разговор, но мамин борщ ароматно пах, разжигая аппетит. Он быстро проглотил содержимое тарелки и не стал отказываться от теплой котлеты.

– Молодец, – похвалила мать, убирая тарелку, а теперь отведи пса хозяевам.

Мальчик встал и угрюмо побрел в свою комнату.

Завидев мальчика, собака стала проявлять беспокойство. Она поскуливала, лизала руки.

– Я тебя никому не отдам, – заверил мальчик, разглаживая шелковистые собачьи кудри.

Но Марс все равно не желал успокаиваться. Он подбежал к двери и стал скрести ее лапами.

– Фу, Марс, – Павлик попытался оттащить пса, но собака не унималась.

Павлик схватил ее на руки и потащил к креслу, но пес вырвался, поводит носом и, вытащив из пакета поводок, взял его в зубы и снова побежал к двери.

– О, черт! пора гулять, – осенило Павлика, и он стал спешно собираться.

– Видишь Маша, – сказал Олег, ковыряя зубочисткой во рту и загружая компьютер, после того, как за Павликом закрылась дверь, – никогда не нужно устраивать истерику. Ребенку нужно все спокойно объяснить.

Он одел наушники и развалился в кресле, загружая игру.

Шел мелкий морозящий дождь. Паша поморщился и натянул на голову капюшон. Марс посеменил обнюхивать ограду газона, радостно задирая лапу и сообщая миру о своем присутствии. Мальчик огляделся – улица была пустынна, желающих гулять в такую погоду было не много. Невольно он подумал о том, что вместо того, чтобы мокнуть под дождем, он тоже мог сидеть дома и играть на компьютере. В это время Марс дернул за поводок, пытаясь что-то попробовать на вкус. Павлик отогнал от себя мысль об игрушках и, крикнув собаке: «Фу», пошел в направлении парка.

Вечером городской парк выглядел не так привлекательно, как днем. Паша остановился у пешеходного перехода, разглядывая темную, безлюдную панораму, открывшуюся его взору. В душе появился неприятный холодок. Черная, сырая, недружелюбная атмосфера парка вызывала робость и желание повернуть домой. Павлик застыл в нерешительности, но собака уверенно потянула его вперед.

Мальчик перешел улицу и оказался на парковой дорожке, которая уводила его все дальше и дальше от тусклого света уличных фонарей, петляя между шелестящими, еще не облетевшей листвой, деревьями. С каждым шагом ему становилось все страшнее, но Марс уверенно бежал впереди, натягивая поводок, заставляя мальчика быстро двигаться. Вскоре под ногами зашуршала листва, и Паше показалось, что они заблудились. Вокруг никого не было, и мальчик вздрагивал от каждой хрустнувшей под ногами ветки и каждого дуновения ветерка, качавшего кроны деревьев. Вдруг показалась чья-то тень. Павлик остановился и замер. Он чувствовал, как натянулся поводок, но не двинулся с места. Тень приближалась. Марс наострил уши и зарычал. Павлик задрожал, не зная, что делать.

Неожиданно послышалось тявканье, и он увидел рядом с собой чужую собаку.

– Джерри, ко мне, – раздался детский голос, и из-за кустов выбежал мальчик. Увидев Пашу, он остановился и пристегнул к собаке поводок.

Паренек подошел к Павлику и удивленно спросил:

– Привет, а тебя как зовут?

– Павлик, – вздрогнув от неожиданного вопроса, ответил Паша. – А тебя?

– Меня – Денис.

Денис обернулся и закричал:

– Папа, смотри, у мальчика тоже кокер-спаниель!

– Моего папу Алексей Васильевич зовут, – добавил Денис, когда из-за кустов вышел мужчина и оглядел Пашу с ног до головы.

– Папа, это Павлик, – не унимался Денис.

– А ты что один гуляешь? – поинтересовался Алексей Васильевич.

– Нет, с собакой, – удивленно ответил Паша.

– Я имел в виду, что без взрослых, – поправился мужчина.

– Да, я уже сам почти взрослый, – гордо ответил Паша, – мне двенадцатый год.

– А мне скоро десять, – встрял Денис, – а как зовут твою собаку?

– Марс.

Марс тем временем вытянулся в направлении Джеррика и сильно дернул поводок. Павлик не удержался на ногах на скользкой листве и упал. Папа Дениса подскочил к Паше и помог подняться.

– Дай ему обнюхать Джерри, не бойся, – сказал он, внимательно наблюдая за собаками. – Что ж ты его без комбинезона гулять повел? – посетовал мужчина.

Павлик не знал, что ответить и только пожал плечами. Он попытался вспомнить был ли комбинезон в том ворохе вещей, который отдала ему Таня, но не смог.

– А сколько Марсу лет? – продолжал расспросы Денис.

– Пять.

Денис казался Павлику навязчивым, но уйти одному в темноту парка было боязно. Поэтому он топтался на месте, неохотно отвечая на вопросы.

– Ого, – продолжал Дениска, – а Джеррику только год. Мы скоро пойдем с ним на курсы дрессировки. Папа хочет его на охоту брать. Смотри, что он уже умеет: мальчик бросил палку и, спустив собаку с поводка, крикнул:

– Джерри, искать!

Джерри скрылся в темноте и зашуршал лапами по опавшей листве. Вскоре он появился с палкой в зубах. Денис забрал у собаки палку и протянул Павлику.

– Кидай!

Спускать с поводка Марса Паше было страшно. Ему казалось, что пес убежит и больше никогда не вернется. Но перед посторонними было неловко, и он тоже, спустив собаку, крикнул: «искать».

Марс скрылся из виду. Мгновения стали казаться Паше нескончаемо долгими. Сердце бешено колотилось, и он отчаянно всматривался в темноту. Когда уже показалось, что собака от него сбежала, раздался разочарованный голос Дениса:

– Ого, как он быстро!

И Павлик увидел Марса сидящего у ног.

– Ему теперь нужно сладость дать, – продолжал учить Пашу Денис.

Павлик покопался в карманах и к своему счастью обнаружил кусок недооженного печенья. Забрав у собаки палку, он отдал лакомство и нежно погладил пса по голове.

– Что-то я раньше вас здесь не видел, – осторожно начал свои расспросы Алексей Васильевич, – вы недавно переехали?

– Я раньше рядом с домом гулял, – соврал Паша.

– Пойдем с нами на собачью площадку, – предложил Денис.

– Это достаточно далеко, может Павлику не разрешают туда ходить, – попытался остудить инициативного сына Алексей Васильевич, но Паша уже радостно кивал головой и, пристегнув Марса на поводок, побежал за Денисом.

Маша нервно ходила по квартире, заламывая руки. Она уже несколько раз одевалась и выходила на улицу в надежде найти сына. Шел третий час его отсутствия и она не находила себе места. Супруг не разделял ее беспокойства и играл в Звездные войны. Маша достала телефон и обзвонила одноклассников Павлика, но никто не видел и не знал, куда он ушел.

Олег, поглощенной игрой, громко ругался с монитором, не замечая терзаний жены. Когда маленькая часовая стрелка перевалила за число одиннадцать, нервы у Маши сдали, и она вырвала из розетки компьютерный шнур.

– Ты что, обалдела? – Олег даже подскочил на кресле.

– Павлик пропал, – сказала Маша, размазывая слезы по лицу.

– Да перестань ты реветь, большой парень, никуда он не денется.

– Олег, уже двенадцатый час, его третий час нет.

– Придет.

– А если что-то случилось? Сколько я тебя просила купить ему мобильник!

– Ну, взяла бы сама им купила.

– Я и так все покупаю! Каждый день сумками еду таскаю! А ты только на свои игрушки деньги тратишь.

– Маша, ты о чем? Холодильник новый купили? А стиральную машину? Ремонт в квартире сделали. Кто за все это заплатил? Я на машину накопить не могу, как бомж на метро ездю!

– Олег, позвони в милицию. Я уже вся извелась.

– Да придет он. Наверное, у приятеля дома сидит, играет.

– Я всех обзвонила, нет его нигде.

– Значит, в подворотне сидит с псом в обнимку.

– Я и на улице искала.

Маша упала на диван и зарыдала.

– Мань, не надо так переживать, вернется он. – Олег сел рядом с женой и погладил ее по растрепанным волосам. – Хочешь, я пойду его поищу?

Маша не отвечала. Ее тело, свернувшееся калачиком на диване, содрогалось от рыданий.

– Маша, не плачь, сейчас я его найду, – уверенно произнес Олег и неохотно начал одеваться.

На улице было промозгло и безлюдно. Олег сделал пару кругов вокруг дома, обошел соседние дворы и вышел к проезжей части. Легкая морось наполняла лужи у дороги, и редкие автомобили, мелькающие грязными фарами, пронеслись мимо. Казалось, что дождем смыло всех, включая местную алкашню и бомжей. Даже спросить, не видел ли кто мальчика с собакой,

Олегу было не у кого. Мужчина прогулялся вдоль дороги сначала направо, затем налево и, решив, что Павлик, скорее всего, уже вернулся, поспешил домой.

Увидев, что Олег вернулся один, Маша снова зарыдала. Мужчина постоял немного на пороге в растерянности, разделся, и нехорошее предчувствие закралось ему в душу. Он зашел к Паше в комнату и начал искать что-нибудь, что могло подсказать его местонахождение.

В комнате царил привычный беспорядок: на столе осталась открытая хрестоматия по чтению, школьный рюкзак был не собран, тетрадки и учебники разбросаны. Олег полистал тетради. Уроки Павлик сделал. Никаких указаний на то, что он что-то задумал, не было. Олег сел за стол и начал строить планы поиска сына.

Он уже продумывал восьмой или десятый вариант плана, когда на лестнице раздались шаги и дверной замок радостно заскрежетал.

Оба супруга тут же подскочили к двери. На пороге появился промокший насквозь Павлик с мокрым и грязным псом.

Маша стиснула в крепких объятьях сына, рыдая и покрывая его лицо поцелуями.

– Где ты был? – возмущенно закричал отец.

Мальчик посмотрел с нескрываемым удивлением сначала на мать, потом на отца и тихо промямлил:

– С собакой гулял.

Обняв рыдающую маму, он скривил гримасой лицо и из-под ресниц скатились слезы.

– Мам, не плач, я же не один был. Со мной Денис и его папа вместе гуляли. Они меня до дома проводили.

– Какой еще Денис? – спросили родители в один голос.

– Мой друг, мы сегодня подружались. У него тоже кокер-спаниель, только еще маленький и глупый. А Марс знаешь, какой умный! Он все команды знает!

– Ну, все хватит, – сказал отец, – не желаю больше ничего слышать про собаку. Чтобы завтра ее здесь не было!

– Олег, прекрати! – Маша обняла сына, помогая ему раздеваться. – С меня хватит! Второго раза я не переживу! Оставь в покое собаку. Незачем было ему обещать.

Воспользовавшись отсутствием внимания к своей персоне, Марс отряхнулся и посеменил на кухню, оставляя за собой грязные следы.

– Мама,пусти, Марс! – мальчик вырвался из материнских объятий, схватил собаку и, скидывая на ходу ботинки, потащил ее в ванну.

– Маша, что ты делаешь! – возмутился Олег, – нельзя так воспитывать ребенка. Ты сначала запрещаешь, а потом разрешаешь!

– А ты сначала обещаешь, а потом не покупаешь!

– Как знаешь, – сказал Олег, уходя к себе в комнату. – Убирать за ним будешь сама. И гулять меня с собакой не проси. Когда ненаглядный сынуля наиграется, сама повезешь пса усыплять в клинику, – пригрозил супруг, громко хлопнув за собой дверью.

– Конечно, лишь бы тебе не мешали на компьютере играть! – крикнула ему вдогонку Маша.

Дверь снова отворилась, и Олег вернулся и протянул жене свой телефон.

– Вот, отдай ему, и пусть без мобильного и шагу из дома не делает!

– А ты? – ошарашено спросила жена.

– Я завтра себе новый куплю, – буркнул Олег и снова хлопнул дверью.

Олег напряженно ходил по комнате из угла в угол и недовольно ворчал.

– Ты пошла у Паши на поводу и разрешила оставить собаку, а теперь я должен думать, кому ее пристроить на время отпуска.

– Хочешь, я Наташу с девятой квартиры попрошу, – предложила Маша.

– Какую Наташу? Которую ты попросила полить цветы, а она оставила открытым кран и залила все квартиры до первого этажа?

– Нет, это была Ольга Ильинична. А Наташа в прошлом году поливала.

– Один раз за месяц? И все засохло? Тогда пса гуманнее сразу убить, чтобы не мучился.

– Она ногу сломала и попала в больницу.

– Нет, Маша, пусть Павлик сам пристраивает Марса. Он его завел, вот пусть учится решать проблемы. А то, убираешь ты, корм покупаю я, а он только гулять с ней ходит, да и то, потому что приятель есть.

– Павлик, – громко закричал Олег.

– Мы тут с мамой голову ломаем, что делать с собакой на время отпуска. Присоединяйся. – Сказал он, когда мальчик показался в дверях. – Его нельзя с твоим другом оставить?

– Мы возьмем его с собой, – спокойно заявил мальчик.

– Мне только не хватало еще проблем с собакой решать, – категорически отрезал отец.

– Папа, это совсем не сложно. Денискин папа с Джерриком летал на выставку. Марсу нужно только справки сделать. Я сейчас ему позвоню, и он тебе все расскажет.

– Я не буду делать никаких собачьих справок. Договорись, чтобы они взяли у нас на месяц Марса.

– Я тогда тоже останусь, – категорично заявил Паша.

– Будешь все каникулы дома загорать? – улыбаясь, прокомментировал отец.

– Поеду с Денисом на дачу, – самоуверенно ответил Павлик, – его папа меня приглашал.

Буду с ними на охоту ходить.

При слове охота лицо у Маши вытянулось и побелело.

– Нет, хватит, – сказала она, – звони Денису и бери сам справки.

Олег что-то хотел возразить, но только сурово посмотрел на жену и поперхнулся.

– Только, милые мои, запомните, я себе отпуск из-за собаки портить не собираюсь. Если окажется, что справки не те или еще что-то, мы оставляем пса в аэропорту и улетаем одни. Без слез, истерик и заявлений, что я тоже не полечу. Вы меня поняли?

– Конечно, – согласился мальчик и, вытащив из кармана мобильник, набрал телефон Дениса.

– Собаку нужно сдать в багаж, – строго сказала женщина за стойкой.

– Нет! – Паша вцепился в Марса, – он – ручная кладь!

– Ручная кладь до семи килограмм, не унималась женщина, – а он у вас почти пятнадцать весит!

– Но нас трое! – На глазах Паши выступили слезы. Он не мог себе представить Марса, сидящего в клетке в багажном отделении.

– Женщина взяла телефонную трубку и вызвала стюардессу. Вскоре подошла молодая симпатичная девушка в платочке с символикой авиакомпании, повязанным на шее. Кармашек форменной синей курточки оттенял яркий значок с именем «Алена».

Девушка выслушала сначала жалобы женщины со стойки регистрации, затем мольбы Павлика, посмотрела на расстроенного мальчика и добродушного Марса, улыбнулась и сказала:

– Только, чтобы сидел в переноске, не открывать и не гулять по салону. Договорились?

– Конечно! – Павлик клятвенно пообещал не выпускать собаку.

– Мы с ребенком, – Олег забрал переноску у сына, и, обойдя толпу, зашагал по трапу самолета.

Плюхнувшись в кресло у окна, он снял ботинки и, закрыв глаза, вытянулся, насколько ему позволяло место.

Паша, поставив переноску себе в ноги, не понимал, что случилось с собакой.

Попав в салон самолета, Марс занервничал, скулил и метался по своей клетке.

– Тихо, тихо, – уговаривал его мальчик, но собака, словно не слышала его.

Павлик приоткрыл переноску, чтобы погладить и успокоить пса, но Марс мощным прыжком вырвался наружу и, пролезая под сиденьями, бросился в конец салона.

– Марс! Марс! – Павлик протискивался между пассажирами, получая тычки локтями во все части тела, пытаясь догнать собаку.

Пес лежал, вытянувшись во весь рост, перед предпоследними креслами и не давал пассажирам занять свои места.

– Марс, ко мне, – закричал Павлик.

Но спаниель не реагировал на команду.

– Мальчик, это твоя собака? Убери ее отсюда! – возмутилась женщина, пытающаяся сесть в кресло. Павлик протянул руки, чтобы взять Марса, но пес оскалился и злобно зарычал.

– Марс!

Павлик не узнавал собаку. Пес перегородил проход и никого не подпускал. Столпившиеся пассажиры начали громко возмущаться. Душная и без того атмосфера в салоне самолета стала накаляться до предела.

Девушка-стюардесса, прибежавшая на возмущенные крики пассажиров, посмотрела на Павлика с упреком.

– Ты же мне обещал, – сказала она.

Павлик снова протянул к собаке руки, но Марс вновь злобно зарычал, оскалив зубы.

– Он никогда таким не был, – Павлик размазывал слезы по щекам.

Растерянная стюардесса, расталкивая пассажиров, пробралась в кабину пилотов.

– Анатолий Александрович, у нас ЧП, – сказала она взволнованным голосом, делая над собой невероятное усилие, чтобы не зареветь.

– Что случилось?

– Собака вырвалась у ребенка, и не пускает пассажиров занять места.

– Большая собака? – поинтересовался капитан.

– Спаниель.

– Спаниель занял проход и не пускает пассажиров на места? – с улыбкой переспросил Анатолий Александрович, – пойдём, посмотрим.

В салоне стоял гул возмущения. Маша закрывала руками лицо, покрытое красными пятнами, не зная, что ответить на возмущенную брань пассажиров.

Олег отвернулся к иллюминатору и делал вид, что ни имеет ко всему никакого отношения.

«Я так и знал, так и знал!», – его душа переполнялась возмущениями, а мозг мысленно подсчитывал возможные последствия и убытки.

– Спокойно, – прозвучал громкий голос капитана корабля, – сейчас мы все уладим.

Широкая капитанская спина, выдавливая пассажиров с прохода, продвигалась к охраняемым Марсом креслам предпоследнего ряда. Анатолий на пару минут застыл, наблюдая за псом, а потом тихим голосом спросил у мальчика:

– Это твоя собака?

Паша молча, кивнул головой.

– Как тебя зовут?

– Павлик.

– Павлик, ты дрессировал собаку?

– Зачем? Он и так все умеет, – удивленно ответил Павлик. – Умел, – поправился мальчик всхлипывая.

– Прямо так с рождения и умел?

Паша покраснел.

– Я ее только полгода назад взял, – сознался он, – ее бывший хозяин умер. Марс хороший, он никогда таким не был. Честное слово!

– Тихо, тихо, – прервал его капитан. – Похвали собаку и позови, – попросил он.

– Он, правда, хороший! Марс, – Павлик и протянул руку

Марс зарычал.

– Алена, – сказал тихо капитан стюардессе, – выводи потихоньку пассажиров из салона.

– Уважаемые пассажиры, извините за небольшую задержку. Просим вас, последовать за стюардессой в зону ожидания, – широко улыбаясь и стараясь вытолкнуть людей из прохода, сказал капитан.

Воздух наполнился возмущенными криками и угрозами. Ругаясь и активно жестикулируя, люди неохотно покидали самолет.

Раздвигая локтями возмущенную толпу, капитан зашагал обратно к кабине.

– Что там такое? – коллеги смотрели на него удивленно, а из наушников слышались непонятные звуки.

– Что у вас случилось, Толя? – услышал он удивленный голос диспетчера, – почему пассажиры покидают судно?

– Собака одного из пассажиров улеглась в салоне в странной позе. Пассажир сам собаку не дрессировал, ничего объяснить не может. Пригласи на борт кинологов, пусть разберутся, – попросил он по связи.

В эфире наступила короткая пауза.

– Я тебя понял, Толя. Выводите пассажиров, я пришлю к вам ребят, – ответил диспетчер.

Штурман pokrылся испариной. Красный, с прилипшей к телу форменной рубашкой, схватив чемодан, он исчез в дверном проеме.

– Что это с ним? – удивился второй пилот.

– Ты тоже посиди пока в здании, чего здесь париться, – осторожно предложил капитан, подталкивая своего помощника к выходу.

Пассажиры, шумно ругаясь, садились в автобус. Паша плакал, отказываясь уходить. Ему не хотелось оставлять Марса одного. Олег с такой силой дернул мальчишку за руку, что тот отлетел на несколько метров в сторону.

– Мама, – заплакал Павлик, но Маша даже не обернулась в его сторону. Мальчик, громко рыдая, пошел к выходу.

Стюардессы, дежурно улыбаясь, стояли у трапа.

– Девочки, вы тоже, подождите пока в здании, – приказал капитан, проверяя, что в самолете никого не осталось.

Машина службы безопасности подъехала достаточно быстро.

Штатный кинолог Сашка с огромной овчаркой по кличке Рекс вбежал на борт.

– Искать, – скомандовал он, и собака, водя ноздрями, пошла вдоль кресел.

Дойдя до Марса, Рекс лег на бок.

– Взрывчатка, – спокойно сказал Саша. Слово речь шла о чем-то заурядном, – левое кресло, предпоследний ряд. Пластинид.

Саша сказал это настолько равнодушно, будто говорил о потерянной шоколадке. Анатолий почувствовал, как прилипла к телу рубашка. Саша невозмутимо продолжал:

– Я вызову саперов, вам лучше здесь не оставаться и уведите пса.

Он пощелкал пальцами и, дав подбежавшему Рексу лакомство, похлопал его по загривку.

– А как его увести?

Сашка пожал плечами.

– Найдите хозяина. Кто с собакой занимался? Или вы считаете, что гениальный кокер-спаниель родился с умением находить взрывчатку? – съязвил он.

Саша взял Рекса за ошейник и спустился по трапу вниз.

Анатолий сел на корточки и позвал Марса.

Марс посмотрел на него своими огромными, умными, карими глазами, но не сдвинулся с места.

– Марс, – сказал Анатолий. – Где Павлик?

Марс поднял голову и повел носом.

– Искать Павлика, – скомандовал Анатолий

Марс поднялся и посеменил к креслу, на котором раньше сидел мальчик, и под которым валялась переноска.

Капитан широкими шагами подошел к собаке и снова повторил:

– Искать Павлика.

Любопытная собачья морда просунулась в переноску, и капитан, ловким движением подтолкнув собаку, закрыл клетку.

Диктор объявил по радио, что рейс по техническим причинам задерживается, и пассажиры, шумно ругаясь и косо смотря в сторону родителей Павлика, побрели обратно в зал ожидания.

Паша стоял, прижавшись лицом к стеклянной перегородке, отделяющей его от взлетного поля, и плакал. Он видел, как по взлетному полю ездили машины с мигалками. Казалось, он никогда уже не увидит Марса живым.

Около окна остановился автобус с надписью «штат онли». Он заметил, что капитан выходит, держа на руках собачью переноску. Слезы хлынули ручьем. Павлик больше ничего не видел.

Вдруг что-то мокрое ткнулось в ладошку, и сквозь слезы он разглядел Марса, вылизывающего ему руку.

Мальчик упал на колени и обнял пса за шею, целуя рыжую морду.

– У тебя прекрасный и очень умный пес, – сказал капитан, присаживаясь рядом с мальчиком на корточки и гладя, Павлика по голове.

Олег уже не нервничал. Он мысленно подсчитывал возможный размер штрафа и строил планы, как заработать денег. Он составил мысленный список людей, к кому можно обратиться за поиском дополнительной работы и пытался высчитать, сколько времени потребуется на погашение долга перед авиакомпанией. Про отпуск он уже не вспоминал, подозревая, что и на следующий год отдыхать не придется.

Маша сидела, повернувшись лицом к стене. Она тихо плакала, размазывая слезы по лицу. В голове звучали проклятия пассажиров, и было невыносимо стыдно. Она представляла, что люди думают о ней, и от этой мысли становилось еще хуже.

Услышав, как их вызывают по селектору, Маша вздрогнула и побелела. Она вытерла слезы кусочком скомканной салфетки и, посмотрев на удаляющуюся спину Олега, побрела за ним.

Встретили их очень радушно. Женщина и мужчина в форме авиакомпании приветливо улыбались и жали им руки.

– Мы пригласили вас, чтобы от лица нашей компании вас поблагодарить, – начал мужчина. Женщина засуетилась и попросила паспорта с билетами.

– Ваша собака помогла обнаружить запрещенное к провозу вещество. Мы вам очень признательны, и в знак благодарности хотим поменять билеты на бизнес класс, – продолжил мужчина, а женщина вытащила три новых билета.

– Вы можете воспользоваться залом ожидания для пассажиров бизнес класса, – добавил мужчина, – пока мы готовим судно, вам предложат небольшой ланч и прохладительные напитки за счет авиаперевозчика.

Мужчина посмотрел на остолбеневших от неожиданности пассажиров и, вручив новые билеты, закончил свою речь словами:

– Извиняюсь за задержку вылета, но придется подождать минут сорок.

Ничего не понимающий Олег взял билеты и, поблагодарив, вышел за дверь.

– Что же он там такое нашел? – спросил он жену, когда дверь закрылась, – золото что ли?

– Может наркотики? – предположила Маша.

– Паша, – закричал Олег сыну.

Павлик с чувством ожидания приговора посмотрел на родителей. Они выглядели счастливыми. Паша медленно пошел им навстречу.

– Паша, что написано у Марса в документах, на что его дрессировали?

Павлик посмотрел изумленно на отца, не понимая сути вопроса.

– Ты читал его документы? – повторил вопрос отец.

Мальчик отрицательно покачал головой.

– Как же так, Паша, – начала читать нравоучительную лекцию мама, – а если бы его обучали бомбы находить? Он нашел бы, притащил тебя, и вы ждали бы, пока не взорветесь?

– А я не знал, – сознался Павлик, – что дрессируют на что-то, я думал – это команды выполнять.

– Ты бы хоть книжки почитал, прежде чем собаку заводить. Когда вернемся, нужно все обязательно посмотреть, – добавил Олег.

– Мы сейчас домой? – спросил мальчик.

– Нет, сейчас мы идем в бизнес класс, мороженое есть, – ответил отец, улыбаясь, – шагай быстрее, до посадки только сорок минут, а я хочу перекусить!

Зверь

Михаил родился и вырос в деревне Сустье, что километрах в десяти от города Любань. Здесь родились его дети и подрастали внуки. Он жил со старшей дочерью, помогая по хозяйству, ловил рыбу в речке Тигода, ходил в лес за грибами, ягодами или просто «по дрова». Как-то раз, по весне, возвращаясь из леса с телегой хвороста, его лошаденка Пчелка остановилась и заржала, нервно водя ноздрями. Михаил прислушался. Ничего тревожного не улавливал слух: шумели на ветру макушки сосен, пели на разные голоса птицы, тихим ручейком стекала вдоль дороги талая вода.

– Пошла, пошла, – закричал Михаил лошадке, но та не сдвинулась с места и только непокорно замотала головой.

Михаил опустил поводья и снова стал вслушиваться в разноязычные голоса леса. Вдруг ему послышался, то ли плачь, то ли писк. Сквозь черничные кусты, стараясь не ступать ногами в топкие места, Михаил пошел к источнику звука. На пригорке сидел маленький серый комочек и отчаянно тьякал. «Щенок здесь в лесу, откуда?» – удивился он и протянул к найденышу руки, но тот зашипел и попятился от него. «Неужто волчонок?», – осенила догадка Михаила, и он стал оглядываться по сторонам, не бродят ли здесь волки. Никаких следов пребывания зверя видно не было. «Погибнет бедолага», – подумал Михаил и, взяв зверька за шкуру, засунул его за пазуху. «Будет ребяткам игрушка», – решил он и вернулся на дорогу. Пчелка заартачилась еще больше, но он крепко взял ее под уздцы и повел за собой. Внукам, Сережке и Тамаре, зверек очень понравился. Они тут же окрестили его Пушок и кормили коровьим молоком с блюдечка. Несмотря на то, что дети волчонка нежно любили и таскали ему из своей тарелки разные вкусности, руки и ноги у них были постоянно покусаны и Михаил, дождавшись, когда земля немного просохнет, выгнал зверька во двор. Пушок не почувствовал себя изгоем. Он как сумасшедший носился по траве, гонясь за мотыльками, ловя бабочек и мух. На коровьем молоке, балуемый остатками от хозяйского стола, зверек быстро рос и к осени стал пугать соседей своими размерами. А весной те и вовсе попросили посадить его на цепь. Как не сопротивлялся Михаил, а пришлось ему привязать вдоль забора проволоку и держать Пушка на привязи. Зато он стал брать его с собой в лес. Слово «лес» Пушок знал хорошо. Он тут же перепрыгивал метровый забор и за несколько секунд добегал до лесной опушки, где ждал Михаила, раскрыв пасть и свесив свой розовый язык. Охотник из Пушка был некудышний. Он носился по лесу за полевками, вылавливал из болота лягушек, давил кротов и только пару раз принес Михаилу зайцев.

– Что ж ты за волк такой, – сокрушался Михаил, – что даже зайца поймать не можешь?

А следующим летом в дом пришла беда. На страну напали фашисты и Красная Армия забрала у Михаила тестя, лошадку Пчелку и корову Буренку, оставив его с дочерью и двумя внуками на подножном корму. Немного выручал их Пушок. Иногда ему все-таки удавалось поймать зайца, и довольный Михаил отбирал добычу, выдавая в качестве благодарности, миску супа. Вскоре пришла похоронка, сообщавшая, что тесть погиб в бою, оставив дочь вдовой, а внуков сиротами. Не успели еще обсохнуть слезы на глазах, как в село пришли немцы.

Тощий немецкий офицер шел по домам, забирая у сельчан остатки еды, теплые вещи и расстреливая собак.

Михаил отвязал Пушка и крикнул: «В лес!».

Волк перепрыгнул ограду и выбежал навстречу фашисту. Немец с перепугу неприцельно выстрелил и промахнулся, прострелив Пушку ухо. Второй раз выстрелить он не успел, потому что одним прыжком сократив расстояние до минимума, Пушок опрокинул его на землю и сжал свои челюсти на тощей немецкой шее. Фонтан крови брызнул Пушку прямо в морду, и он бросился обратно к дому, преследуемый тремя фашистками автоматчиками.

– В лес, Пушок, в лес! – истошно кричал Михаил, стоя на пороге.

Пушок сбил его с ног и за считанные секунды растерзал в клочья, а затем метнулся за поленницу.

Вбежавшие в дом автоматчики застыли в ужасе от увиденного. Воспользовавшись замешательством и теснотой помещения, Пушок одним ударом сбил всех троих с ног и, ведомый природным инстинктом, быстро щелкал челюстями, отделяя обалдевшие головы от автоматов.

Расправившись с преследователями, он выбежал из дому и скрылся из глаз в неизвестном направлении.

Подъехавшее подкрепление от вида кровавой расправы пришло в ужас, и жителей села выгнали в лес искать сбежавшего Пушка. Ни жители, ни, прочесавшие округу, автоматчики его не нашли. Не вернулся он и сам. Только стали долетать до Сергея с Тamarой слухи, что видели большую лохматую собаку ночью в местах, где недавно шли бои, обгладывающую человеческие останки. Дети не смогли простить Пушку предательство, израненная детская душа требовала мести.

Впрочем, рассказы о похождениях Пушка слушали они недолго. Пришедший немецкий офицер велел собраться и двигаться на станцию Любань. Там всех загнали в товарный вагон и повезли работать в Германию. Неизвестно, где бы они оказались, если бы не воздушный налет, разбомбивший поезд рядом с небольшим эстонским городком Кохтла-Ярве. Выживших после бомбежки, отвели работать на завод по производству [сланцевого масла](#).

Вернулись в Сустье они только в начале пятидесятых. В доме, где они раньше жили, поселились чужие люди. Обивание порогов и кабинетов Исполкома не увенчалось успехом. Им сочувствовали, обещали помочь, но ничего не менялось. Сергей с Тamarой отправились работать на Ижорский завод, а мать поселилась во временке рядом с домом.

Приезжали Сергей с Тamarой в родное Сустье только по выходным. Вскоре вернулся и Пушок. В один из приездов мама сказала кратко: «вернулся» и Сергей сразу понял, о ком идет речь. Сколько раз еще будучи ребенком, он проигрывал в мозгу эту встречу. Сколько раз он представлял себе, как разможит этот череп, как будет бить, бить до тех пор, пока не превратит в кровавое месиво. Он подошел к поленнице и, выбрав дубинку побольше, направился к изгороди. Пушок лежал у забора, положив голову на лапы, прищурился желтые подслеповатые глаза. Сергей ухватил дубинку поудобнее.

– Что, пришел, трупоед, – процедил он сквозь зубы.

Пушок посмотрел тусклым взглядом и лениво повел ноздрями. Вдруг, глаза его зажглись изумрудным светом, и, подскочив на месте, он встал на все четыре лапы. От неожиданности, Сергей отпрянул назад. Перед ним стоял старый, облезлый, отошавший волк, с присохшим к позвоночнику животом, и радостно вилял хвостом. Зверь приоткрыл пасть и издавал звуки, нечто среднее между подтягиванием и подскуливанием. Из полукрытого рта по обе стороны сползала густая, тягучая слюна. Словно промотанная киноплёнка, перед глазами Сергея снова замелькали все эти годы: голод, скитания, лишения, утраты. Впервые за все это время горько-соленая слеза выкатилась из глаз и медленно поползла по впалой щеке. Дубинка выпала из рук Сергея, он повернулся к Пушку спиной и пошел обратно к дому, буркнув под нос:

– Идем.

Пушок медленно ковылял следом. Сергей зашел в дом и, не слова не говоря, взял алюминиевый таз и вылил в него остатки супа, потом отрезал два больших ломтя хлеба и крошил. Выйдя за дверь, он поставил еду рядом с Пушком и смотрел как тот, словно изголодавшийся удав, за несколько глотков засосал содержимое тазика.

Вылизав посудину, Пушок поднял голову, сделал шаг в направлении Сергея, жалобно посмотрев, в надежде, что дадут еще.

– Лежать, – рявкнул Сергей и вернулся в дом.

Пушок послушно лег около двери, положив поседевшую голову на лапы.

Оккупировавшим дом жильцам соседство Пушка категорически не понравилось. Наверное, дурная слава о его прошлых подвигах добралась и до них. Вооружившись вилами, глава семьи осторожно приблизился к зверю. Пушек приподнял голову и оскалил свои пожелтевшие от времени, но все еще целые зубы. Бросив вилы, нападавший ретировался. Не прошло и недели, как жильцы исчезли в неизвестном направлении, даже позабыв попрощаться.

Мать снова перебралась в свой дом, а Пушок так и остался лежать там, где стоял его тазик, и где Сергей приказал лежать.

Спустя полгода, в конце зимы Сергея вызвали на проходную к телефону. Звонила мать. Всклипывая в трубку, она сказала только одно слово «умер».

Он лежал все там же, поджав хвост и положив свою огромную голову на лапы.

– Был мороз, – оправдывалась мать, – я хотела загнать его в дом, но он не пошел, так и остался спать на снегу.

Сергей взял лопату и ушел в сторону леса. Маленький Миша никак не мог понять, почему в воскресенье, папа затемно ушел в лес долбить мерзлую землю, потом завернул волка в плащ-палатку и они все вместе с бабушкой, папой и тетей Тамарой повезли волка на санях. Почему этого зверя, который загрыз деда Мишу и про которого рассказывали всякие ужасы, называя фашистом, трое взрослых людей этим морозным зимним утром, заливаясь слезами, словно лучшего друга, зарывают в промерзшей земле. Он дергал их за руки, засыпая вопросами, а бабушка, вытирая слезы, сказала фразу, смысла которой он так до конца и не понял:

– Он же зверь.

Дрянь

Женщина открыла глаза и протерла ладонями, пытаясь разогнать остатки сна и осознать, где находился источник шума, разбудивший ее. «Пригрезилось или опять эта дрянь?», – подумала она. Выждав, когда глаза привыкнут к темноте, она встала и, пошатываясь, побрела по дому. «Где же она? Опять ведь втихаря гадит», – терзали смутные подозрения женщину. Она заметила слабую полоску света, пробивающегося из-под двери ванной. Подойдя ближе и приоткрыв дверь женщина ахнула: все ее вчерашние труды пошли насмарку. Вокруг свежeweымытой ванной красовалась лужа. На раковине, скорчившись в предсмертных муках, лежал обезглавленный тюбик зубной пасты. Махровое полотенце, вероятно, упав в обморок от пережитых впечатлений, мокрой тряпкой распласталось на полу.

– Ах ты дрянь! – всхлипнула женщина, вытирая лужу, и поднимая с полу полотенце, – опять ведь все испортила! Где это проклятое чудовище? – она несколько минут постояла над раковиной, терзаясь раздумьями вымыть сейчас или отложить на «после праздника» и побрела искать несносное создание, устроившее в ванной погром. Но дрянь притихла и не подавала голос.

Вдруг женщина вздрогнула и замерла: мысль, словно отзвук ночного кошмара, острым ножом вонзилась ей в сердце: «Кулич! Кулич-то, я оставила на столе! – с ужасом вспомнила она, – не дай-то Бог!». И она со всех ног метнулась на кухню.

Боль заполнила ее душу. Ком подступил к горлу и рыдания сотрясали тело. Ее душа, уставшая от серости беспросветных будней и с надеждой ожидавшая праздник, страдала от очередной пакости дряни.

– Да за что же это наказание мне такое! – прошептали губы, женщина завывала, обхватив голову руками, – за какие такие грехи? Как же я теперь с этим к батюшке пойду! Срам-то какой!

– Ах ты дрянь, – вскрикнула она, обливаясь слезами над обкусанным боком, еще не освещенного, пасхального кулича. Слезы солеными ручейками стекали со щек, капая на разноцветную шелуху пасхальных яиц сквозь вырванных клочков праздничной упаковки.

Рядом послышался подозрительный шумок, женщина повернула голову и увидела дрянь. Дрянь, как ни в чем не бывало, сидела на стуле, ехидно посматривая в ее сторону, сыто и довольно облизывалась.

– Да я сейчас тебя! – женщина замахнулась, чтобы, наконец, прибить эту гадину, но дрянь мгновенно вскочила и юркнула в комнату. С криком «убью» женщина кинулась за ней. Окна, занавешенные плотными шторами, не давали пробиться лучам утреннего солнца, и в полутьме маленькая дрянь затаилась. Рука привычным движением пошарила по стене в поисках выключателя. «Бжик», – сказала последняя лампочка, мигнула приветливо на прощанье и погасла.

«Нет, сегодня ты от меня не уйдешь!», – твердо решила женщина и направилась к тому месту, где стоял торшер. Но дрянь ловко прошмыгнула между ног и убежала. «Убью паршивку!», – кричала женщина и бежала следом.

А что она натворила в прихожей! Женщина глубоко вздохнула и застыла в ужасе. Ее руки плетью повисли вдоль тела от бессилия что-либо изменить в увиденном хаосе. Она прикусила губу и застонала. Вещи попадали с вешалок, обувь сбилась кучкой на полке, на полу причудливыми кляксами красовались грязные разводы. Схватив с пола тряпку, она начала колотить дрянь, загоняя в угол, чтобы, наконец, прикончить это маленькое чудовище, безжалостно отравляющее жизнь. Но дрянь – это маленькое юркое создание, снова выскользнула у нее буквально из-под рук и вышмыгнула за дверь.

– Ты только мне еще попадись, – кричала ей вслед женщина, – увижу, задую, дрянь!

Дрянь, отбежав на безопасное расстояние, как ни в чем не бывало вытерла рукавом лицо, одела рюкзачок и вприпрыжку побежала в школу.

Вклад

Холодное февральское солнце лениво пробивалось сквозь заиндевевшие деревья, с трудом разгоняя утренний полумрак. Ольга Александровна медленно шла по заснеженной дорожке, аккуратно переставляя ноги по образовавшейся наледи. В это раннее субботнее утро посетителей на кладбище еще не было, только вороны удивленно рассматривали ее, сварливо переговариваясь на своем языке. Ольга в задумчивости постояла у ограды, подошла к гранитной плите и, расчистив снег, положила букет цветов.

На надгробном камне нет ни эпитафии, ни слова о наградах, подвигах или заслугах перед Родиной – только фотографии, фамилии и годы жизни. Кузьма Макарович, Ольга Георгиевна и Евгений Кузьмич, отец, мать и сын, – обычные москвичи. Ольга знала, что дядя Женя похоронен не здесь. Это она прикрепила его фото и вписала фамилию, чтобы семья снова была вместе. Евгений геройски погиб во время войны, освобождая Будапешт, и навеки остался лежать в венгерской земле. Ольга никогда не видела его, но так много слышала, что казалось, они хорошо знакомы. Своего деда – Кузьму Макаровича Оля помнила плохо: когда он умер, ей не исполнилось и семи лет. Вспоминалась библиотека, где она любила играть среди многочисленных полок с книгами, шумные и веселые вечеринки с коллегами по работе и большое кожаное кресло, в котором дед работал, склонившись над письменным столом. Оля иногда тихонько подкрадывалась и пыталась разобрать названия книг, лежащих на столе или написанный текст, но ничего не могла понять.

Зато бабушку – Ольгу Георгиевну она помнила хорошо...

Оля вбегает в квартиру и едва отдышавшись, начинает рассказывать школьные новости:

– Нам задали сочинение на тему «Вклад вашей семьи в победу над фашистами».

Бросив портфель и раздеваясь, Оля продолжает:

– Кира Васильевна объяснила, что не только те, кто воевали на фронте, но работающие в тылу, очень много сделали для победы. Марина сказала, что ее бабушка работала на фабрике «Красная роза». Они выпускали ткань для шинелей. А дедушка Лены Матвеевой работал на заводе им. Ленина, они изготавливали снаряды. Он даже орденом награжден!

– Может лучше про дядю Женю написать? – осторожно советует бабушка.

– Не хочу про дядю Женю, – капризно заявляет Оля, – я за него уже получила пятерку. Я хочу про тебя написать. Ты что во время войны делала?

– Переодевайся, мой руки и иди кушать, – приказывает Ольга Георгиевна, прерывая словесный поток внучки.

Девочка мигом снимает школьную форму и бежит в ванную.

– Оля руки вымой с мылом, – напутственно кричит бабушка, но девочка уже влетает в кухню и усаживается за стол.

Ольга Георгиевна медленно наливает суп, размышляя, как объяснить десятилетней внучке, чем в годы войны занимались микробиологи. Оля хоть и умненька девочка, но еще не изучала ни химию, ни биологию.

– Я изготавливала сыворотку, – начинает бабушка свой рассказ.

Олино личико корчит разочарованную гримасу. Она знает, что такое сыворотка, она видела, как мама делала творог и помнит, что желтая жидкость, которая остается после его приготовления, называется сывороткой. Детское воображение рисует огромную комнату, в которой стоит много котлов и бабушка готовит сыворотку. Сюжет явно не дотягивает до пятерочного сочинения, и она немного завидует подружкам. «Может действительно написать о дяде Жене?» – думает Оля.

– Допустим, ты поранила руку, – начинает объяснять Ольга Георгиевна, – что нужно сделать?

– Помазать йодом.

– А если рана глубокая и она уже воспалилась?

– Тогда нужно посыпать ее пенициллином! – радостно восклицает Оля.

Бабушка обрадовано улыбается.

– Правильно. А ты знаешь, когда появился пенициллин?

Оля снова смотрит на бабушку удивленно. Она никогда даже не задумывалась над этим и совершенно не понимает, с чего вдруг зашел разговор про лекарства.

– Давно, наверное.

– Когда началась война, пенициллина у нас в стране не было. За несколько лет до начала войны в мире науки было сделано величайшее открытие.

Один английский ученый микробиолог – Александр Флеминг занимался исследованиями бактерий – стафилококков. Убирать у себя в лаборатории Флеминг не любил, и использованные склянки подолгу стояли не мытыми на столе, пока их не покрывала плесень. Однажды Флеминг обратил внимание, что содержимое чашки, покрытое плесенью, изменило свой вид. Исследовав культуру, в которой изначально находились стафилококки, он не обнаружил в ней бактерий. Этот факт очень заинтересовал Флеминга. «Плесень уничтожила всех микробов?», – подумал он и решил проверить свою гипотезу. Он взял склянку с питательным бульоном и вырастил плесень. Затем Флеминг добавил в ту же чашку бактерии и начал наблюдать за происходящими процессами. Он заметил, что между плесенью и бактериями образовалась жидкость желтого цвета. Микробов в этой жидкости он не обнаружил. Постепенно желтые пятна росли, вытесняя микробов. «Что же за вещество выделяет плесень?», – задумался Флеминг и решил проверить, обладает ли жидкость, образовавшаяся вокруг плесени, вредными для бактерий свойствами.

Ольга Георгиевна замолкла. Девочка смотрела на нее широко раскрытыми глазами и внимательно слушала рассказ.

– Оля, суп остынет, – сказала бабушка.

– Я ем, – девочка несколько раз зачерпнула жидкость ложкой и с мольбой в голосе попросила:

– А дальше? Расскажи, что было дальше.

– Проведя серию опытов, Флеминг выяснил, что образующееся плесенью вещество убивает болезнетворных бактерий. Флеминг назвал его по имени плесени – пенициллин.

– И он сделал лекарство! – воскликнула нетерпеливая девочка.

– Нет, это еще не было лекарством. Пенициллин нужно было выделить и соединить с другим веществом, но так, чтобы сохранились свойства убивать микробов. Флемингу это казалась неразрешимым – выделяемый им пенициллин быстро портился.

К исследованиям подключились другие ученые: Говард Флери, профессор патологии, и Эрнст Чейн, биохимик. Им удалось сложным путем отфильтровать и растворить в специальном растворителе выделенную грибом жидкость. После чего в осадок выпали белые кристаллы пенициллина.

– Это уже было лекарство?

– Да, но для того, чтобы лечить больных, нужно было наладить промышленное производство.

Ученые осознавали ценность полученного лекарства, но денег на производство в Англии не было, и они отправились в США, где сумели заинтересовать Американские фармакологические компании. В результате уже осенью 1941 году американская промышленность начала выпуск пенициллина. Примененный в военных госпиталях пенициллин творил воистину чудеса: он останавливал газовую гангрену и лечил заражение крови.

В это время в нашей стране шла война. Бои были тяжелыми. Госпитали переполняли раненые, умирающие от осложнений, вызванных болезнетворными бактериями. Врачи были бессильны перед инфекцией.

Руководство нашей страны, услышав о чудодейственном препарате, попыталось купить пенициллин, но американцы под разными предлогами срывали сделки. Поняв, что наши союзники в очередной раз нас предали, правительство потребовало от ученых: создать свой препарат. Понимая всю важность этого лекарства, микробиологи собрали и исследовали сотни видов различных плесневых грибков. Спустя несколько месяцев Зинаида Ермольева, руководившая исследованием, получила из плесени «пенициллиум крустозум» – вещество, близкое по свойствам к пенициллину.

Но ты уже знаешь, что это еще не лекарство. К работе подключились химики, но ни врачи, ни раненые не могли ждать. И было решено – мы выращиваем пенициллин в лабораторных условиях, отфильтровываем сыворотку и отправляем в военные госпитали.

В 1942 году немцы подошли вплотную к Москве. Каждую ночь нас бомбили. Москва стала прифронтовым городом. Сюда свозили тысячи раненных.

Я работала в госпитале, расположенном в бывших общежитиях Тимирязевской академии. Солдаты лежали повсюду – на лестничных клетках, в коридорах. В здании стоял тяжелый запах зловония – как ни старались хирурги, оперируя сутками напролет, инфекция делала свое черное дело: раны воспалялись и гноились.

Мне выделили маленькую коморку, где я выращивала грибок пенициллина. Пробираясь к своему «кабинету», я проходила мимо коек, на которых молоденькие израненные мальчишки стонали от боли и метались в бреду. Они были ровесниками Жени, ушедшими, как и он, на фронт прямо со школьной скамьи.

Бабушка тяжело вздохнула и посмотрела на затихшую Олю.

– Они казались такими родными, близкими, словно были моими детьми. Мне, во что бы то ни стало, хотелось их спасти.

– И ты спасла?

– Спасала. Ни условий, ни оборудования, конечно, не было. Зимой, в мороз работала без отопления: топила буржуйку. Для сохранения нужной температуры я использовала водяную баню – колбы с плесенью ставила в ванночки с теплой водой и постоянно подливала кипяток. Спала урывками, пока не прогорали дрова. Да и дров-то толком не было. Чем я только не топила. Собирала мебель, перегородки разрушенных бомбежками зданий, все, что можно было сжечь – шло в топку.

Сначала к моей сыворотке и солдаты, и медики относились очень настороженно. Но первые же результаты показали эффективность препарата.

Весть о чудодейственных свойствах моей сыворотки мгновенно разлетелась по госпиталю. Однажды молодой парнишка со слезами на глазах умолял меня дать ему ее выпить. Его раненая нога сильно распухла, и он боялся, что врачи ампутируют ее. Я знала, что в кислой среде желудка пенициллин утратит свои лечебные свойства, но объяснить это раненому было непросто. С трудом удалось его переубедить, и медсестра залила сыворотку прямо в рану, обильно смочив бинты вокруг. Наутро, сняв повязку, мы увидели, что нога приняла обычный вид и только вокруг самой раны сохранилась припухлость. Потрясенный юноша, плакал и целовал мои руки, бормоча себе под нос слова молитвы. Признаться честно, я была удивлена не меньше. Проверять препарат на животных у меня не было возможности. И полученный результат меня просто потряс.

Когда нашим войскам удалось разбить врага и отодвинуть линию фронта от Москвы, возникла новая проблема: как отправить сыворотку в прифронтовые госпитали. К счастью, на помощь пришли химики: им удалось получить кристаллический пенициллин.

Пенициллин, который производился в те годы, был значительно менее эффективен, чем американский и быстро портился, но даже, несмотря на это, он стал настоящим спасением для многих людей.

– А американцы так и не продали?

– После окончания Второй мировой войны отношения с Америкой испортились. Но Чейн, потерявший во время войны мать и сестру, относился к нашей стране с симпатией и продал секрет производства пенициллина.

Резкий телефонный звонок вырвал Ольгу из детских воспоминаний и вернул в реальность.

– Ольга Александровна, – я был вчера на вашей защите. Это – просто блестящая работа! Знаете, я был потрясен. Полученный вами препарат превзошел даже американские аналоги! Я смотрел ваши результаты и не верил собственным глазам. Хотел лично засвидетельствовать вам свое восхищение. Ольга Александровна, поделитесь секретом, как вам это удалось?

– Спасибо, Марк Львович, но вы же прекрасно понимаете: один человек, каким бы выдающимся он не был, в современной науке мало что может сделать. То, что вы вчера видели – это результат многолетнего труда целой команды. В эту работу очень многие прекрасные ученые внесли свой посильный вклад.

Гоша

Отстояв положенные семьдесят километров в пробке, я свернул с трассы и машина, спотыкаясь об асфальт, медленно попрыгала в сторону деревни. По обочинам мелькали поросшие коттеджами берега Оки. Я открыл окно и, вдыхая дорожную пыль, приближался к дому, где прошло мое детство. Канули в прошлое картофельные поля: выращивать дачников оказалось значительно выгоднее, чем овощи. Сгинули в небытие бомжи. Подросли приусадебные участки и окружающие их заборы. Мой неухоженный, неремонтопригодный домик прищурился покосившейся крышей. Поставив машину у отвалившейся калитки, я забрал вещи и выпустил на свободу кота.

Жена и дочь предпочитали отдыхать на Майорке, не разделяя моей привязанности к комарам, одуванчикам и березкам. Но неподвластная сила каждый год тянула меня в эти края, и на две недели я становился пищей для насекомых, ловцом рыб и непосильной ношей для полевых цветов.

Только кот Васька разделял мою любовь к даче, не испытывая ни малейшего желания лежать под пальмами и плавать в морской воде. Наверное, ностальгия тянула и его в эти края. И прогуливаясь по берегам Оки, он вспоминал свое беспородное босоное детство и ту роковую встречу, которая сделала из мелкого воришки и попрошайки солидного столичного жителя с полным комплектом ветеринарных документов и прививок.

Несколько лет назад Васька в прямом смысле попался мне на крючок. Он, не дождавшись, когда я отцеплю рыбу, попытался ее съесть. Пришлось тащить бедолагу сначала к ветеринару, а потом домой. Жена, конечно, встретила полосатого нахлебника без излишнего гостеприимства, но выбросить на улицу, пострадавшего в схватке с удочкой котенка, она не смогла, и на радость дочери, Васька остался с нами жить.

Жизнь внесла свои коррективы и в характер кота, который покинув машину, побродил между кустов репейника и лениво развалился на крыльце, в ожидании, когда я наловлю и принесу ему свежей рыбы.

Я зашел в дом и загрузил холодильник. С потолка свисали кружевные полотна ручной работы местных мастеров из семейства паукообразных. Я с тоской подумал, что неплохо было бы прибраться. Кран не подавал признаков жизни, и я отправился на поиски неисправностей водопровода.

Под заливистое пенье лягушек я шел вдоль трубы, предаваясь воспоминаниям. Рядом с моим участком красовался высоченный коричневый забор Сережкиного дома.

В далеком детстве мы были закадычными друзьями, но коварные девяностые растащили нас по разные стороны достатка, оставив меня в нищих интеллигентах и сделав из Сереги солидного бизнесмена. Он превратил свой домик в усадьбу, скупив у разорившихся соседей участки, построил большой дом, и монументальный забор стал разделявшей нас берлинской стеной.

Увидев Серегу, я даже не сразу узнал. Но Сергей радостно замахал руками, словно мальчишка из далекого детства, кричащий на всю деревню:

– Витька привет! Гулять пойдешь?

Я поздоровался кивком головы, но он бросился на встречу, словно с нетерпением ждал.

– Витек, не зайдешь ко мне? – с несвойственной тоской в голосе спросил он.

Он уже так давно не звал меня в гости, что я сначала заподозрил подвох. Но в Серегиных глазах заблестела печаль и я, понимая, что о друзьях детства вспоминают только когда подопрет, согласился.

К тому же, спешить было некуда и, оставив Ваську охранять двор, я последовал за Сергеем. Сергей посмотрел на повалившийся и прогнивший забор вокруг моего дома и покачал головой:

– Надо бы починить, – сказал он.

– Зачем, – изумился я?

– Ну как? А залезет кто? – возразил Сергей.

Я рассмеялся, и мы, миновав тяжелую дверь, вошли на его территорию.

– Ух, ты, – я даже опешил от увиденного. Вокруг шикарного коттеджа был разбит парк, на лужайках цвели розы и рядом с домом виднелся бассейн.

Мы пошли по дорожке к дому. Мне казалось, что, вмиг поглупевший от восхищения, я иду с приоткрытым ртом и вытаращенными глазами. Я даже представить себе не мог, что можно сотворить такое чудо здесь, в московской области. Когда мы поравнялись с бассейном, я заметил, что в нем плавает бревно. «Это еще зачем?» – удивился я, пытаюсь придумать хоть какое-то обоснование. – «Новое средство от комаров? Экологически чистый освежитель воды с запахом эвкалипта? Фильтр для очистки и серебрения бассейна?»

Пока я пытался подвести научную базу под плавающее бревно, оно двинулось в нашу сторону и, раскрыв огромную красную пасть, посеменило по дорожке. Зубов у бревна оказалось так много, и они так белоснежно сверкали на солнце, словно это был ролик рекламы «Колгейт».

Первая мысль, которая пришла мне в голову, что сегодня я стану едой не для комаров. Мне захотелось бежать со всех ног, но я, как и подобает жертве, замер, словно загнипнотизированный, на месте. Сергей подскочил к стоящей неподалеку клетке и вытащил за уши кролика. Зверек нервно засучил лапками, вырываясь на свободу, и Сергей его выпустил. Крокодил на несколько секунд замер, закрыл пасть и, выждав пару секунд, метнулся в сторону кролика. Огромные челюсти на секунду разомкнулись, пропуская жертву внутрь, крокодил испустил скупую слезу и вальяжно направился в сторону бассейна, придерживая зубами еще дергающиеся пушистые лапки.

Воспользовавшись замешательством хищника, я рванул в сторону калитки, но Серега схватил меня за руку и затащил в дом.

Крокодил вернулся в бассейн и лениво дожевал зайца.

– Его зовут Гоша, – сказал Сергей, показывая в сторону крокодила.

Лицо Сергея провалилось в печаль и глаза наполнились солоноватой грустью.

– Садись, – сказал он, достав пару бутылок с пивом и упав в кожаное кресло.

– Купил в прошлом году в Гвинее, сказали декоративный. Думал, будет детям игрушка.

А теперь вот...

Он задумался, открыл бутылку и налил пиво в бокал.

– Пей, предложил он, – подвигая мне вторую бутылку. – Знаешь, он был такой миленький, такая кроха. – Серега развел руки сантиметров на двадцать и заулыбался. – Такое чудо! Его можно было купать в тарелке для супа.

Я посмотрел на трехметровое бревно, плавающее в бассейне, и умиления у меня не прибавилось. Вспомнились исчезнувшие из деревни бомжи, Васька, мирно спящий на крыльчке. Какое-то неприятное чувство стало скапливаться у меня под ребрами.

Серега перестал умиляться и смахнул слезинку со щеки:

– Жена предлагает его зажарить и съесть, даже нашла повара, который взялся жаркое приготовить. А я привязался к нему и не могу.

– И в зоопарк его не берут, – трагическим голосом добавил Сергей.

Он сделал несколько глотков и посмотрел в окно, где бревно снова застыло в водной глади бассейна.

– Хорошо, что сейчас тепло, да бассейн с подогревом, а похолодает, куда нам с ним деваться? Жена ведь домой не пустит, – продолжал свою заунывную песнь Серега.

Но я его уже не слушал. Я думал о том, что забор вокруг моего дома сгнил, что лаз для Васьки, сделанный в двери, слишком большой. Я пытался вспомнить из школьного курса биологии, с какой скоростью передвигаются крокодилы, и решить задачку по физике «как успеть живым добежать до калитки».

– А ты что думаешь? – прервал мои размышления Сергей.

– Сереж, мне позвонить нужно срочно жене, а телефон в машине оставил, – выпалил я первое, что пришло мне в голову, – проводи меня, я попозже к тебе зайду.

В лице Сергея появилось разочарование. Он посмотрел на нетронутую бутылку и протянул ее мне.

– Возьми, хорошее пиво, немецкое, – сказал он, вставая, вручая мне бутылку и доставая очередного кролика. По окраске кролик был серым, почти как мой Васька. Он беспомощно болтал лапками, не догадываясь об уготовленной ему участи. Зато догадался Гоша.

Не успели мы покинуть дом, как крокодил покинул бассейн и посеменил в нашу сторону. Серега снова метнул в него перепуганным зверьком, а я быстро побежал к выходу.

Закрывая калитку, я услышал всплеск воды в бассейне и обернулся. Гоша меланхолично дожевывал очередную жертву.

Переведа дух, я осмотрелся. Вокруг меня возвышались заборы разной высоты, качества и цвета. «Какие тайны они хранят?», – стал мучить меня вопрос. – «Какие звери скрываются за ними?». Я задумался над тем, что будет, если крокодилов дачники, так же как ненужных котят, будут выбрасывать, уезжая домой. Просто потому, что некуда девать, он вырос, никто не берет, а жарить жалко. И они будут плавать вдоль берега реки, подстерегая очередную жертву. Воображение мое разыгралось, и я посмотрел в сторону Оки. В заводи, заросшей камышом, застряла и качалась на волнах упавшая в воду осина. Я стал внимательно всматриваться в плавающий ствол дерева. «Это бревно», – повторял я, пытаясь себя убедить, но не смог. Я кинулся к дому, громко зовя по имени кота.

Васька не отзывался. Я метался по участку, заглядывая в кусты, и мое воображение рисовало, как он исчезает в разинутой крокодиловой пасти, оставляя мне на память свой пушистый хвост.

Я сбился с ног, но кота нигде не было. Отчаявшись найти Ваську, я зашел в дом и обнаружил его спящим на диване. Прижав к себе полосатое сокровище, я посадил его в машину, наспех собрался и поехал домой.

Васька смотрел на меня с недоумением.

– А как же обещанная рыба? – говорили его непонимающие глаза.

– Я куплю тебе в «Ашане», любую, – пообещал я, выжимая из машины всех заложенных в нее лошадей.

Я хочу, чтоб небо было розовым

– Я хочу, чтоб небо было розовым, – сказал Сашка, когда медсестры забирали его в реанимацию.

Я спросил:

– Почему?

Он помолчал немного и неохотно ответил:

– Потому что, когда небо было розовым, мы были на море, и я не болел.

Когда дверь за каталкой с Сашкой закрылась, мне показалось, что у меня в палате погас свет, потому что все вокруг стало серым и унылым. Серые стены, серый линолеум на полу, серые тумбочки у кровати. Небо за окном тоже было серое. И из-за серых туч серым светом светило солнце, освещая серый снег на сером асфальте и серые стены домов. Мне мучительно захотелось отсюда убежать, туда, где море и розовое небо. Но убежать я никуда не могу. Потому что, навеки привязан к этой кровати серыми трубочками капельниц и намертво приколот иголками катетеров. К тому же, мне папа сказал, что мне нельзя на море, потому что там ультрафиолет.

Без Сашки стало совсем тоскливо, и я стал думать о том, что если меня тоже отвезут в реанимацию, тогда мы снова будем вместе. Когда я сказал это папе, он очень расстроился и купил мне ноутбук. Теперь я могу играть в звездные войны и разговаривать по скайпу. Плохо, что у Сашки нет скайпа в реанимации, и я не могу с ним поговорить.

Вчера на Сашкино место положили другого мальчика. Его зовут Дима, и он всех здесь знает, потому что у него рецидив. Он сказал, что Сашка не вернется, потому что в реанимации его уже нет, и что он, наверное, умер. Но я не верю в то, что он умер, я думаю, что просто приехали родители и увезли на море. А еще Дима сказал, что он тоже умрет, потому что, тот диагноз, который ему поставили, не лечится. Тогда я сказал Диме, что когда вырасту, стану врачом и обязательно всех вылечу и его тоже.

Сегодня приходили мои одноклассники. Их не пустили ко мне в палату, потому что они могут занести инфекцию. Они стояли под окном и махали мне руками. Мне так сильно захотелось снова в школу, что я чуть не расплакался. Я смотрел на них и думал, что теперь я бы делал лучше всех домашние работы. А Лидия Николаевна хвалила бы меня и всем показывала, какие у меня аккуратные тетрадки, даже лучше чем у девочек. А на перемене я бы бегал в буфет и покупал горячие пирожки с повидлом.

Мама сказала, что меня, наверное, оставят на второй год, потому что я много пропустил. Но я попросил, чтобы она принесла мне учебники. Я не могу оставаться на второй год, мне нужно учиться, чтобы побыстрее стать самым лучшим в мире доктором. Я же обещал Диме, что его вылечу.

Сегодня умер Дима. Это было так странно, он просто лежал и не двигался. Пришли сестры положили его на каталку, закрыли простыней и увезли. Когда умер мой дедушка, у нас было много гостей. Приходили совсем незнакомые люди и приносили цветы. Все плакали, и я тоже плакал, потому что мне было жалко дедушку. И даже мой папа плакал. А к Диме никто не пришел, и никто не плакал.

Теперь я снова буду в палате один. Моя мама сказала, что это хорошо, потому что теперь она сможет оставаться со мной на ночь. А я ей сказал, что когда вырасту, буду работать доктором, который ставит диагнозы и никому и никогда не поставлю рецидив.

Вчера я понял, что больше не хочу играть в звездные войны, потому что меня там все время убивают, и не хочу говорить с папой только по скайпу. Когда он приходил ко мне после работы, его снова не пустили, потому что у меня карантин. Он прижимался лицом к стеклу и корчил мне смешные рожицы, но мне не было смешно. Я хотел ему сказать, что когда я вырасту, стану ученым и буду изобретать разные лекарства и раздавать их всем бесплатно. Тогда папе больше не придется тратить деньги на мое лечение, и он опять купит себе машину.

Сегодня, когда медсестра везла меня в реанимацию, я ей сказал, что когда вырасту, стану космонавтом. Я возьму с собой много-много баллончиков красной краски, выйду в открытой космос и буду ее распыливать до тех пор, пока не выкрашу небо в розовый цвет. И тогда никто больше не будет болеть.

Вчера мне стало совсем плохо. Я лежал и думал, что наверное тоже умру, но пришли какие-то тетеньки, мама назвала их волонтерами. Они спросили, чем они могут мне помочь. Пока я думал, о чем попросить, мама спросила, не могут ли они сдать для меня кровь. Они согласились и мне влили тромбоцитарную массу. Когда мне стало лучше, мама уснула, а я не мог заснуть. Я боялся, что если засну, то уже никогда больше не проснусь. Я лежал с закрытыми глазами и думал о том, что хочу, чтобы небо стало розовым.

Когда рассвело, я открыл глаза и повернулся к окну. Сначала я даже не понял, что произошло. Мне казалось, что во всех окнах одновременно бушует пожар. Но потом я понял, что это не огонь, это в стеклах отражается небо и солнце. Я посмотрел на полоску неба, которая виднелась над домами, и на несколько мгновений перестал дышать, потому что небо, было розовое. Мне сначала захотелось закричать и разбудить маму, но потом я передумал. Потому что, это небо, оно только мое.

Вампиры по нужде

Москва томилась ожиданием Нового года. Яркие новогодние гирлянды украшали улицы города, магазины устраивали предпраздничные распродажи, граждане все сильнее и сильнее втягивались в веселую суету.

Только Митек с каждым днем становился все мрачнее и мрачнее. Он словно зверь, запертый в клетке, метался из угла в угол, по тесной комнате, непрерывно теребя свои жиденькие волосенки. Наконец его нервы окончательно сдали, и он схватился за телефон.

– Макс, ты мне нужен, – хрипло пробасил он.

– Опять? – в голосе Максима зазвучали тревожные нотки.

– Ну, куда ж я без тебя, – стараясь казаться ироничным, произнес Митек, наигранно хихикая в трубку.

– Митя, нас же посадят! – начал возмущаться Макс дрожащим от волнения голосом.

– Да не дрейфь ты, – грубо оборвал его Митек.

– Митя, но, – жалобно заблеял Максим.

– Никаких но, ты же знаешь, впереди десять дней новогодних праздников. Без хорошего запаса крови кое-кто до конца может и не дожить!

Голос Митька прозвучал угрожающе. Максим пару раз тоскливо хлюпнул и согласился.

Помахав перед носом охранника липовым пропуском, они оставили машину в дальнем углу парковки и окунулись в предновогоднюю суету Неглинки. Толпы веселящейся молодежи бесцельно слонялись по улице. Зазывалы в маскарадных костюмах, подпрыгивая от холода, расхаживали перед входом в питейные заведения. Новогодние елки мигали разноцветными огоньками, придавая всей этой суматохе атмосферу праздника.

При виде пышущих здоровьем упитанных молодых ребят, лицо Митька озарилось счастливой улыбкой.

– Ух, какие пухленькие! Наверно вкусенькие! – смакуя каждое слово, произнес он.

Макс посмотрел на него с ужасом и попятился.

– Да ладно, – оправдывался Митек, я ж шутю. Мы ж не каннибалы, мы просто вампиры, – улыбаясь, добавил он.

Он хотел еще что-то добавить, но взгляд ребят привлек молодой человек, вышедший из пивной, и, зажав руками промежность, в припрыжку, направившийся в подворотню. Не сговариваясь, они двинулись следом. Их слух уловил журчание и, дождавшись окончания процесса, они схватили парнишку под руки.

– Пройдемте молодой человек, – сурово произнес Митек.

– Вы кто такие? – возмутился парнишка, пытаясь вырваться.

Максим поднес к его лицу носовой платок. Парень сделал два глубоких вдоха и безжизненно повис на руках у ребят.

– Ну, разве можно так напиваться! – громко и сурово продекламировал Митек и, взявшись поудобнее, ребята поволокли его к машине.

С любовью и бережностью Митя складывал в сумку-холодильник пакетики с кровью.

– А с этим, что делать? – спросил Макс, кивая на парнишку, распластавшегося на сиденье.

– Да выкинем где-нибудь, – ответил Митек и сел за руль.

Вадим уже неоднократно давал себе слово не напиваться. Но оказавшись в хорошей компании, после трех коктейлей обо всем забыл и вспомнил, только когда швейцар помогал одеть

пальто. Он вышел на улицу, покачиваясь и в очередной раз зарекаясь, когда сильные руки подхватили его и повели в неопределенном направлении.

– Мужики, а куда мы идем? – удивленно спросил Вадим, рассматривая своих провожатых.

– Домой тебе отвезем, – ответил ему хриплый бас.

Вадим успокоился и окончательно отключился. Очнулся он от запаха медикаментов, напомнивших больницу.

– Где я? – тихо произнес он, – стараясь разглядеть знакомые очертания в полумраке.

Двое мужчин копошились рядом с ним.

– Мужики, вы чего там делаете? – спросил Вадим, пытаясь пошевелить затекшими конечностями.

– Тихо ты не дергайся, – сурово ответил ему хриплый голос, – а то кровью все зальешь!

Вадим почувствовал, как ужас медленно закрадывается в душу. Сердце отчаянно застучало в груди и на глазах выступили слезы.

– Вы ч-о-о? – жалобно промямлил он и попытался поднять голову.

– Да не переживай, – ответил ему более мелодичный голос, – мы тебя не больно порежем, только сначала кровь сольем, чтобы грязи было меньше.

Вадима бросило сначала в холод, а затем в жар. Пот выступил на лбу, а во рту пересохло. Он напряг все свои силы, пытаясь увидеть, что с ним происходит. Ремни больно стягивали тело, мешая двигаться. Правая рука занемела, и он ее не чувствовал или...

Вадим посмотрел на руку. Рукав рубашки был закатан, и кровь по трубочке стекала вниз. Панический страх пронизал его насквозь. Он почувствовал, как кровь отхлынула от головы и, едва шевеля бескровными губами, прошептал:

– Помоги... те!

Один из мужчин повернул к нему голову, и Вадим увидел сначала далекий свет, а затем, хлопья белого тумана закружились вокруг. Беспомощно, словно рыба, хватал он ртом сгущающийся воздух и беспомощно наблюдал, как туман спускается вниз и сковывает тело. Огромная черная пропасть разверзлась под ним, и медленно засасывала внутрь. Ему хотелось закричать, вырваться, но ни голос, ни тело не слушались, а пустота увлакивала все глубже и глубже. «Все кончено», – подумал Вадим и прекратил сопротивляться.

Безжалостный свет фонаря желтым пучком лучей резанул глаза. Холод зимней ночи проникал сквозь одежду, вгоняя в дрожь. Голова безумно болела. Вадим ощупал свое тело. Все, включая бумажник, было на месте.

– Ну и приснится же, – прошептал он, пытаясь отогнать остатки ночного кошмара.

Он встал, осмотрелся и поковылял к дороге ловить такси.

– Приехали, – сказал водитель и включил в салоне свет.

– Сколько с меня? – поинтересовался Вадим и вытащил кошелек, но открыв, замер от изумления. Глаза широко раскрылись, а челюсть медленно поползла вниз. В отделении для фотографии была вставлена открытка, наподобие новогодней, со следующим текстом:

«Станция переливания крови НИИ гематологии сердечно благодарит вас за сданную кровь! Помните! Возможно, именно вы спасли жизнь больному ребенку!». Далее, мелким шрифтом было добавлено: «Для вашей безопасности мы использует только одноразовые системы для забора крови». Вероятно ради придания маленьким буквам большей значимости, текст был скреплен толстой иглой со следами крови.

Мария Васильевна, старшая медсестра отделения детской гематологии, увидев, как Митя сгибается под тяжестью двух сумок для переноски крови, прослезилась:

– Митенька, спаситель ты наш! Чтобы мы без тебя делали!

- Меня, Марь Васильевна, без вас и в живых бы не было, – пробасил в ответ Митя.
- Так уже почти десять лет прошло, мог бы и позабыть.
- Есть вещи, которые не забываются, – пробурчал Митек и принялся аккуратно перекладывать пакетики с кровью в холодильник.

Посмотреть смерти в глаза

– Что такое посмотреть смерти в глаза? – спрашивает Ксюша у бабушки, усаживаясь на кровать и поворачивая свою стриженную голову.

Бабушка ничего не отвечает, а только снова укладывает Ксюшу в кровать. «Странные эти взрослые, – думает Ксюша, – они говорят слова, смысла которых не знают. Прямо как дочка нашей воспитательницы, Катя. Мама называет ее дурочкой. Эта Катя говорит, что у нее есть собака породы щенки. Разве может быть такое? Щенок, это никакая не порода, щенок это просто ребеночек собаки. А порода – это когда собачки похожи друг на друга, как игрушки в магазине. Вот на первом этаже живут собачки породы такса, они все одинаково длинные на коротеньких лапках и отличаются только цветом. А у Сережки из соседнего подъезда есть две собачки породы хаски, так эти собачки даже цветом не отличаются. Они такие красивые, серенькие с голубыми глазами». Ксюша тоже хочет такую собачку, но мама не разрешает. «Вот и взрослые, такие же, как это дурочка Катя, говорят, а сами не понимают. Как можно смотреть смерти в глаза?» Ксюша знает, что такое смерть. Вот когда сосед Игорь оторвал у ее любимой куклы в розовом платье голову, мама сказала, что кукла умерла. И никто ей в глаза не смотрел, она просто исчезла навсегда из коробки с игрушками. Ксюша даже всплакнула, вспомнив свою любимую куклу. И мама тоже странная. Взяла и купила новую куклу. Красивую, в белом платье с кружевами, с большими голубыми закрывающимися глазами и длинными белыми вьющимися волосами. Как будто можно взять и сказать – вот тебе другая кукла, люби теперь ее. Ей самой вместо Ксюши дать другую девочку с длинными белыми волосами, голубыми глазами в красивом белом платье и что, она согласится любить ее вместо Ксюши? «Странные они, эти взрослые» – Ксюша снова вспоминает свой вопрос: «что такое смотреть смерти в глаза?». «Почему-то все это говорят, а никто не знает, что это значит? Даже папа, который очень умный и знает ответы на все вопросы и тот не знает. И Ольга Александровна доктор, она знает много разных слов, которые не знали раньше ни она, ни мама, ни папа. Она знает такое длинное и странное слово имму-но-ги-сто-хи-мия». Ксюша несколько раз, распевно растягивая буквы, его произносит. А это время к ней подходит медсестра и говорит:

– Ксюшенька, дай мне свою ручку, я сейчас посажу на нее бабочку.

«Вот опять эта противная Лидка Николаевна! Вечно она ее обманывает. Говорит, что комарик укусит, а сама делает ей больничные уколы. Или вот недавно, сказала, что чуток покороче пострижет, а сама взяла и обкорнала под мальчишку». Ксюша упрямо прячет руки под одеяло.

– Ксенечка, – снова говорит медсестра, – сейчас я посажу тебе на руку бабочку, ты заснешь и сама станешь как бабочка, не бойся, моя хорошая.

«Опять обманет» – думает Ксюша, пряча руки под себя. Но Лидка Николаевна действительно держит в руках бабочку. Ксюша протягивает ей руку, бабочка садится и Ксюша летит, летит, летит. Ей весело, легко и она сама действительно стала бабочкой. Она летает с цветка на цветок, кружится и парит в воздухе. Как здорово, что она теперь может летать. Она легко поднимается вверх и садится на радугу. Она всегда мечтала покачаться на радуге как на качелях, но даже не представляла, как это может быть здорово! Раз – и она летит вверх, два и она летит вниз и снова вверх и снова вниз. Но вот радуга исчезает, и она начинает падать. Где же ее крылья? Ксюша успевает испугаться, потому что уверена, что сейчас стукнется о землю и разобьет в кровь себе локти и колени. Она летит все быстрее, быстрее и вот уже земля совсем близко и она сейчас бабах... Но бабах не происходит, потому, что земля мягкая, как перина бабы Тани и Ксюша проваливается сквозь нее все глубже и глубже. Вот она оказывается в полной темноте. Сначала ничего не видно, но потом она видит очертания, которые рисуют на картинках: плащ, коса. «Это смерть», – понимает Ксюша. «И значит ей можно посмотреть в глаза?» Вокруг

темно, но глаза Ксюши уже привыкли к темноте, и могут различить черты лица и даже увидеть глаза. Глаза у смерти большие пребольшие и синие пресиние, как небо, только без облаков, а зрачки черные пречерные. «Ну вот, я и посмотрела смерти в глаза, – думает Ксюша, – и что теперь?». «А теперь ты умрешь», – говорит ей смерть, и тянет к ней из-под плаща свои руки. «Умру? Это как моя кукла в розовом?» Смерть улыбается и кивает головой. «Я просто исчезну, из коробки с игрушками?» Смерть не отвечает, она все ближе и ближе. Ксюше хочется упасть на пол, дрыгать руками и ногами кричать: «не хочу». Она так делала, когда бабушка водила ее в садик. Но не руки ни ноги, ни голос не слушаются, и она продолжает лежать и покорно смотреть на приближающуюся смерть. Но что-то внутри вдруг щелкает, и она сама себе говорит «нет!». В это мгновение маленькое тело превращается в один комок, и этот комок, будучи не в силах закричать в голос, кричит про себя «не-еееее-т». Вдруг становится светлее, или нет, за спиной у смерти появляется огромный солнечный зайчик и светит в глаза. Так обычно делает этот противный Игорь из соседней квартиры: он берет зеркальце и пускает в глаза солнечные зайчики. И это тоже наверняка его проказы. Утащил, наверное, у своей бабушки большое зеркало и светит теперь в глаза. Она так и знала, что он заодно со смертью, недаром он сломал любимую куклу. То ли от солнечного зайчика, то ли от того, что глаза Ксюши окончательно привыкли к темноте, ей кажется, что становится еще светлее. А на смерти уже не черный плащ, а скорее зеленовато-серый и она почему-то говорит теперь мужским голосом:

– Она еще под наркозом, и вас не слышит.

«слышу, слышу», – хочет сказать Ксюша, но голос не слушается ее.

– Мне нечем вас обнадежить. Мы удалили опухоль, но девочке предстоит еще шесть месяцев химии терапии, – продолжает незнакомый мужской голос, – ребенок может от нее умереть. «Это он про кого?», – не понимает Ксюша.

Она слышит, как плачет очень знакомый голос. «Мама», – понимает она, – «мама, не верь ему, он тоже наверняка в стоворе со смертью, я не умру, я не боюсь смерти, я уже смотрела ей в глаза», – Ксюше хочется закричать, но у нее не получается, что-то вставлено во рту и мешает говорить.

– Она очнулась, – говорит мамин голос.

– Нет, – это просто у нее судорожные движения после наркоза, – отвечает мужской.

– Ксюша, доченька, если ты меня слышишь, сожми мне руку, – просит мамин голос.

Ксюша сжимает кулачок и ощущает в своей ладошке мамин палец. Она хорошо знает этот палец, потому, что на нем есть маленькая выемка. Обычно мама носит кольцо, а сейчас кольца нет. Ксюша собирает все свои силенки и стискивает палец. Ей хочется, чтобы мама через этот палец услышала: «я не умру, не умру! Пусть шесть месяцев этой проклятой химии, я все равно выйду отсюда и тоже, что-нибудь сломаю этому Игорю!»

Незабываемый подарок

– А что ты мне подаришь на День рождения? – Марина загадочно улыбнулась и прикрыла глаза.

Андрюха нервно подергался, вспоминая о необходимости потратить кучу денег на безделушку и умудриться при этом не попасть впросак, промахнувшись с выбором.

– А чтобы ты хотела? – осторожно начал он выяснять желания у своей девушки.

– Я? – Марина глубоко вздохнула и задумалась, словно речь шла не о ней. – Что-нибудь незабываемое, – выпалила она, – у меня же юбилей – 25 лет!

Андрюха совсем закип. Он мысленно прикинул, сколько может наскрести денег, включая две кредитки и осторожно спросил:

– Из какой области должно быть, это незабываемое?

Марина скользнула взглядом по журнальному столику и намекнула:

– Гавайи, например.

Девушка, в турбюро улыбаясь, посчитала и озвучила сумму недельного тура на Гавайи. Андрюша поделил ее на свою зарплату и загрустил.

– А на какую сумму вы рассчитываете? – не переставая улыбаться, спросила девушка.

Андрюша умножил свой оклад на два и добавил два кредитных лимита.

Девушка уронила улыбку и задумалась.

– Знаете, что я могу вам предложить, – неожиданно произнесла она. – Санья.

Она постучала пальцами по клавишам и назвала сумму, вписавшуюся в две Андрюхиных зарплаты.

– Всего! – подпрыгнул от счастья Андрей.

– Да, с билетом трансфертом и трехразовым питанием, – добавила девушка.

– А Санья это где? – поинтересовался Андрей.

– Эээ, – девушка посмотрела на Андрея изучающим взглядом, – это остров в Южно-Китайском море, по климату и природе от Гавайев не отличается. Некоторые его даже называют, «Китайские Гавайи»

– Это Китай? – с ужасом в голосе спросил Андрей.

– Юридически да, – стала оправдываться девушка, понимая, что клиенту идея не нравится.

Она достала брошюру и протянула ее Андрею.

– Посмотрите сами, – сказала она.

Андрей полистал картинки

– Я боюсь, что это не понравится моей девушке, – с тоской в голосе сказал он.

– Что вы! Девушка будет в восторге!

И далее последовала целая масса полезной информации о жемчугах и кораллах, морепродуктах, фруктах, которые можно приобрести в Санье просто даром.

Андрюша помялся, но альтернативы не было, и он согласился.

Выйдя из самолета и оглядевшись, грустная мысль, что Гавайи все-таки китайские закралась к Андрею в голову, но все шло гладко. Трансферт отвез их в гостиницу. Шикарный отель утопал в зелени, смотря всеми своими окнами прямо на океан. Парк, разбитый в лучших китайских традициях был настолько великолепен, что вызвал у ребят чувство неподдельного восхищения. Словно дети, попавшие в сказку, они кормили в пруду золотых рыбок, рассматривали экзотические цветы, сбивали кокосы прямо с пальмы. Да и сам отель был необыкновенно красив, чист, но подозрительно пуст.

– На каком этаже вы хотите жить? – поинтересовалась женщина на ресепшине

– На последнем, – не задумываясь, выпалила Марина, и лифт мягко закрыл двери и вознес их на двадцать шестой этаж.

Они вышли на балкон и замерли: внизу бескрайние морские просторы тихим прибоем лизали белоснежный песок.

– Здесь даже джакузи на балконе есть, – воскликнула Марина и повисла у Андрея на шее. – Я тебя люблю, – прошептала она на ухо и бросилась распаковывать чемодан.

Спустя четверть часа они уже плескались в теплых волнах с восторгом наблюдая за влезающими над волнами стайками рыб, грелись на мелком и теплом песке и собирали диковинные ракушки. Только завидев, что солнце пытается окунуть свой раскрасневшийся бок в океан, отправились поужинать в город.

Свернув на пешеходную улочку, они попали на рынок. Пока глаза Андрея пробежали в поисках торговцев фруктами, Марина застыла как вкопанная около прилавка с жемчугом.

Андрей на секунду замешкался, и китаец уже повесил на шею девушки ожерелье.

– Сколько, – спросила Марина, и продавец протянул калькулятор, на котором была набрана цифра пятьсот.

Девушка посмотрела на Андрея с мольбой, но он отрицательно замотал головой и, схватив за руку, попытался оттащить от прилавка. Китаец тут же отдал Андрею калькулятор, предлагая назвать свою цену. На секунду задумавшись, Андрей набрал цифру пятьдесят, мысленно улыбнулся и протянул продавцу, в полной уверенности, что торг будет окончен.

Китаец повздыхал и набрал цифру сто. Марина замерла и прошептала на ухо: «Андрюшенька, пожалуйста, у меня же день рождения!».

– Марин, ну это же подделка, зачем тебе эта бижутерия? – удивленно спросил он.

Словно угадав, о чем шла речь, китаец схватил с прилавка ножницы и принялся скрести жемчужину, показывая ссыпающуюся с нее перламутровую пыль. Андрей взял в руки ниточку с жемчугом и повертел в руках, пока мозг переводил юани в рубли. К своему стыду, он совершенно не разбирался в жемчуге, но портить себе и Марине настроение из-за ста юаней ему не хотелось. Тогда он сделал еще одну отчаянную попытку. Взяв с прилавка еще одну жемчужную нить, он показал на пальцах, что готов взять два ожерелья за сто юаней.

Лицо продавца расплылось в счастливой улыбке, и он закивал головой, упаковывая жемчуг.

– Нет не надо, – закричала Марина и повесила жемчуг на шею.

Андрей расплатился, внутренне подозревая подвох, но видя счастливую Марину, решил, что если и выяснится, что жемчуг поддельный, это будет не скоро. Главное, что сейчас все в порядке и с этой позитивной мыслью двинулся в сторону фруктовых прилавков.

Укутанная ласковым теплом южной ночи, счастливая молодая пара возвратилась в отель. Марина увешенная как новогодняя елка коралловыми и жемчужными украшениями, Андрей пакетами с экзотическими фруктами и морепродуктами. Они постояли немного на балконе, всматриваясь с ночное безмолвие океана, полюбовались бриллиантовым сиянием небосвода, и под шум ночного прибоя беззаботно уснули, даже не прикрыв балконную дверь.

Мощный порыв ветра ударил дверь, стекла задрожали и они проснулись. За окном стоял гул. Андрей вышел на балкон. Вокруг была крошечная тьма. Порывы ветра и с дождем сбивали с ног.

– Шторм, – сказал он, закрывая балкон, вытираясь полотенцем и залезая под одеяло.

Он обнял Марину, и они снова уснули. Вскоре дождь начал барабанить в окно с такой силой, что вновь разбудили их.

За окном был полумрак. Марина щелкнула выключателем, но света не было. Она встала, попробовала зажечь свет в ванной, но тоже безрезультатно. Нашупав раковину, она открыла кран. Воды тоже не было.

– О, черт, – выругалась девушка и вернулась в комнату.

Андрей стоял у окна. Ураганные порывы ветра швыряли потоки воды. Видимости почти никакой не было.

– По-моему наш дом качается, – сказал Андрей, увидев подошедшую Марину.

Марина замерла на месте и почувствовала, что пол под ее ногами меняет положение в такт порывам ветра.

Она накинула на плечи халатик и выглянула в коридор. Отель казался вымершим. Освещения нигде не было, и только с площадки около лифта пробивалась узкая полоска чуть заметного света.

– Знаешь, мы кажется здесь одни, – сказала она, закрывая дверь.

– Что будем делать? – спросила Марина, помолчав и забираясь с ногами на кровать?

– Праздновать твой День рождения, – ответил Андрей, доставая из холодильника вино и фрукты.

– Они не мытые, – брезгливо поморщилась Марина.

Андрей достал упаковку влажных салфеток и протер.

– Теперь мытые, – сказал он, улыбаясь и разливая шампанское. – С днем рождения тебя дорогая!

– Шампанское с утра? – спросила Марина удивленно, наблюдая, как плещется о края содержимое.

– Подозреваю, что выбора у нас нет, – добавил Андрей и подал Марине бокал.

Они пили маленькими глотками шампанское, заедая его ананасом, манго, папайе и маракуя, но настроение не поднималось и только все больше клонило в сон.

Покончив с едой, они снова уснули, но состояние тревоги не отпускало их даже во сне.

В животе была гражданская война. Голова раскалывалась от боли. Андрей открыл глаза и взял в руки телефон, чтобы посмотреть время. «14:13», сообщил телефон, добавив, что нет сигнала.

В комнате по-прежнему был полумрак. Марина лежала рядом с глазами полными слез.

– Ты чего? – спросил он ее удивленно.

– И это мой день рождения, – сказала девушка и разрыдалась.

– Ну, ты же хотела, чтобы он был незабываемым, думаю, что ты его никогда не забудешь, – сиронизировал Андрей.

– Если переживу, – пробурчала девушка сквозь рыдания и уткнулась лицом в подушку.

Андрей не чувствовал себя виноватым. Он посмотрел на рыдающую Марину, с трудом сдерживаясь, чтобы не сказать: «заткнись, из-за тебя мы сюда попали», оделся и посмотрел в окно. Небо сливалось с морем. Они были одинаково серого цвета. Волн видно не было, словно ветер поднимал их в воздух и разбрызгивал в виде дождя. Пальмы, вырванные с корнем, валялись вдоль дороги. Ни машин, ни людей не было видно. Голос желудка взывал к действиям. Он посмотрел на остатки экзотических фруктов на столе и заглянул в холодильник. С полки грустными глазами смотрели лобстеры. Устрицы плавали в поддоне с оттаявшим льдом. Андрей взял бутылку с пивом и повертел в руках. Закусывать сырыми морепродуктами не хотелось, и он поставил бутылку обратно. Вариантов оставалось не много. Он взял телефон и пошел в сторону лестницы. Подсвечивая себе телефонным фонариком, он медленно побрел вниз.

На ресепшине было пусто. Вместо девушек за стойкой красовалось объявление на китайском языке, из которого понятен был только номер телефона. Андрей посмотрел на мобильник. «Нет сети» проинформировал его аппарат. Молодой человек побродил в поисках стационарного телефона, ничего не найдя, упал на диван в грустных раздумьях.

Вдруг входная дверь отворилась и несколько человек нагруженные коробками зашли внутрь. Андрей подпрыгнул на месте и метнулся в их сторону. Люди разгрузили коробки и направились к выходу.

– Извините, – Андрей вцепился в руку одного из китайцев и бегло заговорил на английском, пытаясь выяснить все и сразу.

– Китаец расплылся в улыбке, обнажая свои кривые зубы, открыл коробку и, достав из нее упаковку Доширака, протянул Андрею.

Андрей посмотрел на привезенные коробки. Доширак, бутылки с питьевой вода и термос с кипятком.

– А когда все это закончится? – спросил Андрей, но китаец лишь снова показал свои зубы и исчез в дверном проеме.

«Зря я пиво не взял», подумал Андрей, залил «Доширак» кипятком и вернулся на диван. Ложек не было. Из коробки с лапшой пахло тошнотворно, но вспомнив, во сколько ему обошелся этот обед, Андрей, молча, накручивал лапшу на палку и отправлял в рот. «Интересно из чего они ее делают», – подумал он, потому что, несмотря на бесчисленные специи, отчаянно бывшие в нос, во рту оставался устойчивый вкус целлюлозы.

Он заварил себе зеленый чай в пластиковом стаканчике и стал думать, что делать дальше. Вдруг отворилась дверь, и послышались шаги. Андрей побежал в сторону приближающегося человека, но им оказалась Марина.

– Мне не попасть в номер, – сказала она трагическим голосом. – Я вышла посмотреть, куда ты делся, а дверь захлопнулась.

Андрей пошарил по карманам и нащупал в одном из них карточку.

– Сядь, поешь, – сказал он, указывая на коробки у входа, – у меня есть запасной ключ.

Марина подошла к коробкам с едой и вернулась с пластиковой упаковкой. В ней было яйцо и булочка из кукурузной муки.

– Где ты это взяла?

Андрей метнулся в сторону коробок и принялся открывать одну за другой. Вскоре он вернулся с тремя упаковками, и счастливое выражение лица выдавало в нем человека нашедшего клад.

– Смотри, здесь еще бисквиты есть, да мы живем!

Лицо Марины было безнадежно спокойно. Казалось, уже ничто не могло ее не удивить, ни испугать и не обрадовать. Она спокойно прожевала бисквит, запив его зеленым чаем, и подождав, пока Андрей закончит с ланчем, двинулась обратно к лестнице.

Подъем оказался еще более тяжелым, чем спуск. Андрей, тяжело дыша, подошел к двери и приложил карточку. Обесточенный замок не работал. Андрей подергал ручку – дверь была заперта. Марина прислонилась к стене, затряслась от рыданий и сползла на пол. Она молчала, смотря бессмысленным взглядом в пространство.

Андрей дернул за ручку еще раз. Дверь не поддавалась.

– Я ненавижу эту страну, – заорал он и, вцепившись двумя руками в дверную ручку, с силой рванул на себя. В тот же момент он вместе с дверью отлетел в сторону, а карниз и кусок стены упал на пол.

– Ну почему же, – сказала Марина, поднимаясь, – хоть с этим нам повезло. Стена гипсокартонная, – добавила она, рассматривая пробоину.

Они зашли в номер и растерянно посмотрели друг на друга.

– Пойдем вниз, – предложил Андрей.

– Нет, – вскрикнула Марина, упала на кровать и отрицательно замотала головой, – только не это!

– А что? – спросил Андрей, хотя понимал, что никакой альтернативы у них нет.

Он достал чемодан и собрал свои вещи, потом залез в холодильник и вытащил пиво. С полка на него снова тоскливо посмотрели лобстеры. Андрей слил воду и забрал их с собой.

Марина посмотрела на него с тоской, но тоже собрала вещи.

– Только чемодан я не потащу, – заявила она и вышла в коридор.

«Хорошо, что вещей не много», – подумал Андрей и покатил чемоданы к лестнице. Когда они спустились, в рекреации было совсем темно.

– И что теперь? – возмущенно спросила Марина.

Андрей шел вдоль закрытых дверей, периодически дергая за ручки.

– Нихау – раздалось сзади. Ребята обернулись. В дверях одной из комнат стоял китаец и улыбался.

– Можно нам сюда, – спросил Андрей по-английски и указал на дверь.

Китаец скрылся в комнате, но вскоре вернулся и, скovyрнув ножом крышку с замка, открыл ее ключом.

– Чинь, – сказал он, приглашая их внутрь.

Совсем стемнело. Марина на ощупь добралась до кровати и легла не раздеваясь. Андрей, повинувшись зову желудка, отправился в поисках еды. В дальнем углу коридора светился огонек. На перевернутом ведре сидел все тот же китаец и варил на примусе ужин.

– Нихау, – сказал он, доброжелательно улыбаясь, и подвинул Андрею соседнее ведро.

Китаец достал чашку и налил Андрею водку.

– А это надолго? – спросил Андрей, показывая рукой в сторону окна.

Китаец помахал руками, пробормотал что-то по-китайски. Андрей пожалел, что не занимался пантомимой, и принялся изъясняться, извиваясь в немыслимых позах.

Наконец, китаец перестал улыбаться и, кивнув в сторону окна, показал растопыренную пятерню.

– Пять чего? Часов или...

Китаец улыбнулся. У Андрюхи подкосились ноги, и он плюхнулся на ведро. Он выпил залпом водку и посмотрел в сторону комнаты, где осталась Марина.

– Ша, – сказал Андрюха и вернулся в номер.

Марина по-прежнему лежала на кровати, испуганно глядя в потолок.

Андрей немного помешкал, пытаясь подыскать слова, которые соответствовали ситуации, но ничего не придумав, вернулся к китайцу с лобстерами, устрицами и пивом.

Лицо китайца посветлело, он нырнул в угол, вытащил решетку, специи и принялся укладывать морепродукты на примус, посыпая пряностями.

Воздух обретал аромат еды, тоска отступала, и Андрей поймал себя на мысли, что он уж неплохо говорит и понимает по-китайски.

Самолет стукнулся колесами и покатился по взлетной полосе. В кармане отчаянно зазвонил телефон.

– Маринка, как ты? Не могла тебе дозвониться. Как отпраздновали? Круто?

– Долго рассказывать, – уклончиво ответила Марина.

– Признайся, забываемо?

– Ну, да.

Ирландский ликер

Разменяв четвертый десяток и тяжело пережив развод, Марина поставила крест на личной жизни, сосредоточившись на любимой работе и доченьке, голубоглазой красавице Анюте. Девочка ее повзрослела и, судя по всему, шла по ее стопам, обычным для ее возраста загулам и развлечениям предпочитала тихие вечера перед телевизором на диване.

Годы шли, молодость уходила и, перспектива не дожидаться, когда ее девочка найдет себе жениха, пугала Марину куда больше, чем ее собственные личные проблемы. Марина пускалась на всякие ухищрения, даже приводила кавалеров домой, но Аня, завидев незнакомца, тут же пряталась в ванной.

Знакомые только головой качали, давая наперебой разнообразные советы. Кто советовал отвару ей дать попить, кто рекомендовал доктора, а некоторые, даже предлагали порчу снять. Но Марина была женщиной умной и продвинутой. Она спросила у гугла, что делать, и тот посоветовал отправиться на сайт знакомств.

Сначала Марина пыталась Анюту тоже привлечь к выбору кавалера. Усаживала ее себе на колени и показывала фотографии женихов. Но Ане это занятие казалось не интересным, и она возвращалась к телевизору и на диван.

Взяв инициативу в свои руки, Марина сделала выбор. Борис, умница и красавец, а что главное, такой же тихоня, ожидал их визита. Договариваться о встрече Марине пришлось с его мамой, женщиной уже не молодой, но доброжелательной, культурной и активной.

Обменявшись телефонами, женщины решили встретиться и познакомиться, наконец, своих непутевых деток и только ожидали подходящий момент.

И вот, наконец, приехав с работы, и застав свою красавицу снова лежащей на диване, Марина решила – пора!

Анька, сразу почувствовала недоброе. Ни слезы, ни мольбы, ни уговоры не помогли. Поняв, что бесконечно ждать Борис не будет, Марина решила действовать силой: просто приехала к себе Анюту и, усадив в машину, отправилась в путь. В машине Нюся немного поплакала, но вскоре успокоилась и развалилась на заднем сиденье. И только когда они снова вышли на улицу и отправились в незнакомый дом, стала проявлять беспокойство. Но мама крепко прижимала ее к себе, не оставляя любимице шансов к бегству.

Дверь открыл мужчина средних лет, и, оправдываясь, сказал, что мама, не дождавшись, уехала на дачу. Марина осмотрела мужчину с некоторой неприязнью. Он был полноват, лысоват, и выглядел крайне нелепо, одетый в тренировочные штаны с вытянутыми коленями, линялую толстовку и бесформенные шлепанцы на босу ногу.

– Вы ведь к Борису? – поинтересовался он, увидев некоторое замешательство в Мариных глазах.

Она кивнула головой, и он пригласил их в дом. В полуоткрытую дверь комнаты она увидела Бориса. В жизни он был еще симпатичнее, чем на фото. Борис, вальяжно развалившись на диване, рассматривал кружащегося вокруг лампочки мотылька и к появлению невесты казался безучастным. Нюся, поняв, наконец, коварный Маринин замысел, попыталась вырваться из цепких материнских рук, но была отправлена познакомиться с будущим женихом.

– Давайте их оставим вдвоем, предложил мужчина и закрыл дверь в комнату, оставляя молодых наедине.

– Я не представился, – сказал он, извиняясь, – Сергей.

– Марина.

– Можно я угощу вас кофе? – осторожно поинтересовался Сергей.

От пережитых волнений и вечерней прохлады, Марину немного знобило. Дверь, разделяющая ее и ненаглядную Нюсечку, не давала душе покоя. Но вмешиваться в дела молодых ей не хотелось. Она прекрасно понимала, что она будет там лишней.

– Да спасибо, не откажусь, – сказала Марина и последовала за Сергеем на кухню.

– Да не волнуйтесь вы так, Боря он хороший, воспитанный мальчик, – сказал Сергей, улыбаясь, глядя, как Марина нервно выламывает себе пальцы.

Марина тяжело вздохнула. Она все понимала, но тревога и дверь, отделяющая ее и девочку, лишала женщину покоя.

– Мама не разрешает мне пить кофе, боится, что у меня разовьется гипертония, словно оправдываясь, сказал Сергей, – поэтому я хочу воспользоваться ее отсутствием.

Он улыбнулся, взял ручную кофемолку и насыпал в нее кофе.

– Знаете, я так и не привык ко всем этим кофемашинам, – продолжил он все тем же тоном неуверенного в себе юноши-переростка. – делаю все по старинке. Я надеюсь, вы не торопитесь?

Марина прислушалась, в комнате царил тишина.

– Нет, – сказала она, пытаясь создать на своем лице какое-то подобие улыбки.

– Они сидели, молча, и тишину нарушал только скрип кофемолки и шелканье кофейных зерен.

Неожиданно раздался резкий звук и Марина вздрогнула.

– Не пугайтесь. Это холодильник, снова извиняясь, сказал Сергей. Марина обернулась. Огромный немецкий холодильник, весь увешанный магнитами, зажужжал за ее спиной. Она встала и подошла к нему поближе. Китай, Бразилия, Аргентина, Австралия, – казалось, что в этом мире не было страны или города, значок которого не красовался бы здесь.

– Ого, – не сдержав удивления, воскликнула она. – Это вы исколесили? – спросила женщина, посмотрев на Сергея.

– Да, ответил он, снова оправдываясь, – я часто езжу по работе.

– Кем вы работаете, если не секрет? – Поинтересовалась Марина

– Я тополог, математик, выступаю с лекциями и докладами, – ответил Сергей.

– А вы кем работаете? – осторожно спросил он.

– Финансовый директор в строительном холдинге, – не скрывая гордости за сложившуюся карьеру, ответила Марина.

– Это серьезно, – с уважением ответил мужчина. Он открыл кофемолку и высыпал порошок в турку. Кухня наполнилась потрясающим кофейным ароматом.

– Какой у вас прекрасный кофе, сказала Марина, вдыхая пропитанный кофейным запахом, воздух.

– Да это бразильский, а обжарен в Италии, называется ирландский ликер. Не пробовали?

– Марина отрицательно покачала головой.

– А где вы были в Италии? – спросила она.

Сергей стоял у плиты и медленно помешивал кофе. Он повернулся к ней в пол оборота и посмотрел ей в глаза. Казалось, он не слышал вопроса или не знал, что на него ответить.

– Да мне проще сказать, где я не был, – неожиданно заявил он, Я работал несколько лет в Болонье, много ездил по стране. А вы были в Италии? – спросил он.

Марина отрицательно покачала головой:

– Работа, да вот еще Нюся, – она показала кивком головы в сторону комнаты, где была заперта ее красавица, – Только в Турции, да Греции удалось побывать.

Сергей снял кофе с плиты и разлил по чашкам.

– А вот, – сказал он, доставая из шкафчика небольшой пузырек, – ирландский ликер. Его обязательно нужно добавить в кофе для вкуса.

– Что вы! Я же за рулем, – Марина пыталась отказаться, но Сергей уже поднес флакончик к ее чашке и несколько капель упали в ароматную кофейную жижу.

– Вы в Ирландии вы тоже были? – спросила Марина.

Сергей кивнул головой:

– Да, знаете, посчастливилось побывать в Дублине. Там и узнал историю создания этого чудесного напитка. Его лицо оживилось, и в глазах появился таинственный блеск.

– Хотите, я расскажу?

Марина кивнула головой и сделала пару глотков. Она почувствовала, как тепло медленно разливается по ее телу.

– Стараясь привлечь как можно больше клиентов, менеджеры транспортной компании стали приглашать в рестораны, расположенные в пунктах пересадок, хороших барменов. Один из них, желая помочь согреться, замерзшим в пути пассажирам, стал добавлять ирландское виски в кофе.

Напиток, так понравился клиентам, что они стали записывать его рецепт и увозить в разные уголки мира секрет приготовления кофе по-ирландски.

Марина порозовела и улыбнулась, она снова взяла чашку в руки, чтобы сделать еще несколько глотков.

Согретая теплом чашка, то же похорошела, едва заметный рисунок медленно проступал на ней. Марина присмотрелась и различила очертания сказочного дракона.

Удивленная, возникшим на белоснежной чашке рисунком, Марина посмотрела на Сергея. Кисть, державшая чашку, была небольшой, почти женской по размеру. Тонкие пальцы, сжимающие чашку, имели нежную, как у ребенка, кожу.

«Да», – подумала она про себя, «ни сумок, ни физической работы эти руки никогда не знали».

Между пальцами Сергея тоже виднелись очертания едва различимого рисунка. Заметив Маринин взгляд, Сергей пояснил:

– Это китайские чашки. Я купил их недалеко от Гуанчжоу. Там еще остался завод, выпускающий их по старинной технологии. Вы же знаете, что фарфор изобрели Китайцы?

Марина отрицательно покачала головой и с удивлением посмотрела на Сергея, ожидая продолжения истории.

Его рассказ перенес ее на несколько тысячелетий назад в древний Китай, повествуя о неизвестных фактах этой далекой и незнакомой ей страны. Голос его звучал мелодично, а рассказывал он так складно и занимательно, что Марина забыла о том, где она находится и зачем пришла.

Она пила кофе, медленно смакуя совершенно потрясающий вкус, и, вслушиваясь в негромкую мелодию баритона, рисовала в воображении картины из, неведомой ей доселе, жизни.

Периодически, взгляд падал на очередной значок на холодильнике. Марина рассматривала, а Сергей рассказывал о путешествиях, разбавляя впечатления от увиденного, легендами и забавными историями той или иной страны.

– Еще хотите? – спросил Сергей, снова беря в руки кофемолку.

– Конечно, – с нескрываемой радостью согласилась она.

И снова потрясающий кофейный аромат заполнил комнату, и снова ликер закапал Марине в кружку.

Она слушала, он рассказывал, унося от тревог и забот в прекрасные и неведомые миры.

Вдруг тишину нарушил громкий душераздирающий крик.

– Нюся! – Марина, мгновенно вернувшись в реальность из далеких странствий, опрометью метнулась к входу в комнату и распахнула дверь. Внутри было темно, и Маринина рука судорожно колотила по стене, в надежде нащупать выключатель. Путаясь в нелепых тапках, Сережа побежал следом и включил свет.

На полу, задрвав хвост и распластав лапы, лежала Нюся, на спине которой, держа зубами за шкуру, сидел Борис.

– Видите, – сказал Сергей, смущенно улыбаясь, – они разобрались. И, приобняв Марину, вывел из комнаты и выключил свет.

Они погрузились в кромешную темноту, и только в Сережиных в глазах виднелись отблески далекого света. Его рука по-прежнему осторожно придерживала Марину за плечо, и она слышала как, возбужденное напитком сердце, бешено колотится в его груди. Жар, выдыхаемого им воздуха, напомнил давно забытые ощущения, и легкая дрожь пробежала по телу. Марина глубоко вдохнула, зажмурилась, и ощутила на губах вкус Ирландского ликера.

Из жизни компьютерщиков

Хакер

Новый год – необыкновенный, магический праздник. Его любят и взрослые, и дети во всем мире. Он возвращает в детство. Душа замирает в ожидании маленького чуда, мгновения, когда часы безоговорочно поднимут руки вверх, загремят куранты, и мы, словно по волшебству, окажемся в следующем году.

Тридцать первое декабря хоть и выпал на рабочий день, все-таки проходил в предвкушении праздника. Девушки с любовью и вкусом украсили офис, начальство приветливо улыбалось, сотрудники поздравляли друг друга с праздником и дарили шуточные сувениры. Только у Игоря настроение не соответствовало всеобщему новогоднему настрою. Он смотрел, как его счастливые коллеги с толстыми конвертами выходили из кабинета начальника и понимал, что премии ему не дадут.

И, действительно, начальник отдела, раздав подарки, вышел, улыбаясь из кабинета, и, поздравив сотрудников с Новым годом, посмотрел в сторону Игоря. Начальственная улыбка трансформировалась в надменную ухмылку.

– А Игорь, как самый умный, – начальник ехидно хмыкнул и поправился, – ой извините, самый опытный, будет на Новый год дежурить. Я же не могу столь ответственную работу переложить на менее широкие плечи.

После чего, начальник попрощался и двинулся в сторону выхода. Игорь не удивился и даже не расстроился, он нечто подобное ожидал.

Началось все это относительно недавно, чуть больше года назад, когда они с Вадимом, два друга – не разлей вода, разработали программное обеспечение для новых банкоматов.

Родители учили Игоря скромности и поэтому, когда двух разработчиков спросили, кто из них готов возглавить отдел, Игорь, имеющий больше оснований претендовать на должность начальника, не сопротивляясь, уступил ее Вадиму. С той поры дружбе наступил конец, и отношения с Вадиком день ото дня становились все хуже. Вадим не упускал возможности Игоря унижить или высмеять перед коллегами. Он подставлял его по работе, давая противоречивые указания, лишал премий и заставлял дежурить в выходные и праздничные дни. Игорь понимал, что Вадим его просто выживает, видя в нем потенциального конкурента. Но разработанная программа была детищем Игоря, он вложил в нее душу, и бросить драгоценное творение и уйти, ему было тяжело.

Игорь сел на рабочее место и приступил к дежурству – проверил доступность серверов и результат инкассации банкоматов – сколько в кассетах денег. Вслед за начальством, коллеги один за другим прощались и покидали рабочие места.

В кармане у Игоря требовательно зажужжал телефон. Звонила его девушка Ольга.

– Ты где? – удивленно спросила она.

– На работе, – грустно ответил Игорь.

– Что-то случилось?

– Нет, просто попросили подежурить.

– И когда ты придешь?

Игорь задумался и, выдержав паузу, предложил:

– Давай встретимся без четверти шесть у елки на Белорусской. Я кое-что придумал, не хочу, чтобы ты весь Новогодний вечер провела у плиты. Отдохни и приезжай.

От неожиданности, собеседница затихла. В разговоре образовалась напряженная пауза, и Игорь осторожно переспросил:

– Придешь?

– Да, – ответила Оля, не слишком радостно.

– До встречи. – Игорь убрал телефон.

Он оглядел комнату: – коллеги разошлись, прихватив с собой остатки праздничного настроения. Он выключил компьютер и, одевшись, вышел из офиса.

Улица опустела и только подвыпившие компании фальшиво горланили популярные песни. Холодный мокрый ветер продувал насквозь пуховую куртку. Игорь накинул на голову капюшон и подошел к банкомату. Он набрал на пин-паде комбинацию цифр, заставка неожиданно исчезла, и на экране показался рабочий стол Windows.

Игорь зашел в командную строку, вызвал виртуальную клавиатуру и принялся набирать команды.

Банкомат гудел, пересчитывая купюры, и две тысячи, только что загруженных инкассаторами стоевровых банкнот, переключались в сумку Игоря. Затем он вернул экран в исходное состояние и двинулся к соседнему банкомату.

Холодный ветер разогнал пешеходов по домам. Одинокие машины спешили поскорее отвезти водителей в тепло и уют, поближе к домашнему очагу. Девушка, закутавшись в меховой полушубок, словно ожидая Деда Мороза и Снегурочку, одиноко мерзла рядом с Новогодней елкой. Пурга, словно сжалившись над ней, ненадолго стихла, и одинокие снежинки, кружась в воздухе, танцевали и пели. Возможно, у Оли разыгралось воображение, а звуки вальса доносились из здания вокзала. Ей, как и всем людям на земле, хотелось в преддверие праздника верить в волшебство и чувствовать приближение сказки. Время, засмотревшись на снежную феерию, замерло или большая стрелка на часах замерзла, и не желала двигаться.

С точностью, достойной лиц королевской крови, без четверти шесть появился Игорь и, поцеловав Олю, взял под руку и повел в сторону аэроэкспресса.

– И куда мы едем? – настороженно поинтересовалась Оля.

– В Париж, встречать Новый год.

– Что? – Оля посмотрела на Игоря вытаращенными глазами.

– Оленька, милая, но ведь мы давно мечтали, – романтично улыбаясь, сказал Игорь, – посмотреть, как переливается разноцветными огнями Эйфелева башня, прогуляться по Елисейским полям, покататься на кораблике по Сене, сходить в Лувр. Попасть в Диснейленд и снова почувствовать себя детьми. Посмотреть на творчество современных художников на Монмартре и послушать «Кармен» в «Гранд Опера». Постоять, затаив дыхание в «Нотердам Де Пари», вдыхая аромат истории, и попить кофе на улице, любуясь на беспечных парижан. Разве тебе разонравилась эта затея?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.